

A photograph of a cave entrance. A large, dark rock archway frames the view. Inside the cave, the walls are made of layered, light-colored rock. A small, light-colored animal, possibly a cat or a dog, is sitting on the ground in the foreground. The ground is covered with dirt and some green grass. The lighting is natural, coming from the entrance.

12+

Ирина Мальцева

По следу аркуды

Ирина Мальцева
По следу аркуды

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мальцева И. Н.

По следу аркуды / И. Н. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Четверо подростков попадают из 21 века в 8 век, в дохристианскую Русь. Они учатся жить в племени дреговичей, каждый находит себе дело по душе. У каждого открывается свой талант, но главная их ценность - это дружба. А еще на каждом шагу они попадают в ситуации, которые требуют напряжения всех сил. Их ждут приключения, смертельные опасности и проверка на прочность духа и тела. Не обходится дело и без мистики, без колдунов и ведьм, которые жили рядом с нашими предками.

© Мальцева И. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Ирина Мальцева По следу аркуды

Как часто ученые, археологи, историки в старых пещерах находят наскальные рисунки, изображающие сцены жизни древних людей, их обычаи, повадки, мечты и верования. Но иногда в подобных пещерах находят изображения современных предметов и людей, больше похожих на жителей больших городов, чем на древних обитателей этих мест.

Ученые предполагают, что это изображены инопланетяне, прилетевшие в какой-то момент на нашу планету и зачем-то оставившие эти послания.

У нас свой взгляд на загадочные изображения современного человека на скалах, которые видели пещерных медведей, саблезубых тигров и таинственную птицу феникс, которая, умирая в огне, вновь рождается для новой жизни.

Лагерь труда и отдыха

Большой, старенький автобус больше часа трясся по грунтовой лесной дороге среди вековых дубов, белых свечек берез, дрожащих от страха старых осин и прочих лесных насаждений, до которых юным пассажирам не было никакого дела. Большинство из них уткнулись в планшеты и смартфоны, на задних сидениях четверо играли в карты, девчонки, прикрыв глаза, балдели под музыку в наушниках. И только четверо взрослых внимательно наблюдали за дорогой, тревожно оглядывали своих подопечных, время от времени бросали взгляды на часы – до места назначения, по их расчетам, было еще часа полтора.

Автобус из города выехал в начале девятого утра. В лагере, куда они направляются, их ждут к обеду, и вожатым было важно не опоздать, иначе придется держать ответ перед директором лагеря Тамарой Георгиевной, жесткой и злопамятной, в прошлом преподававшей физику в профессиональном техническом колледже и вынесшей оттуда убеждение, что хороших подростков просто не бывает. Ребята от 13 до 17 лет для неё были хулиганы, бездельники и нервотрепщики.

Но водитель не отступал от правил и вел автобус со скоростью 60 километров в час, а иногда, если дорога была особенно изрыта дождем или завалена лесным мусором, снижал скорость до минимальной. Этот маршрут он знал досконально, так как каждое лето привозил сюда подростков, провинившихся либо перед учителями в школе, либо перед родителями, либо соседями. Одно слово, правонарушители, стоявшие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Лагерь был рассчитан на 40 человек, в нем работали один старший воспитатель и трое вожатых, на кухне хозяйничала повариха тетя Люся, в медпункте – старенький фельдшер Иван Леонтьевич, всем хозяйством заведовала его жена Нина Игнатьевна.

Главной целью лагеря было исправление поведения подростков путем вовлечения их в трудовую деятельность, занятия спортом и краеведческую работу. Ежегодно директор докладывала о результатах, среди которых был самый главный: столько-то ребят были сняты с учета в инспекции по делам несовершеннолетних, то есть, по мнению взрослых, исправились.

Возможно, так и было, потому что после месяца в спартанских условиях лагеря ребят не тянуло на подвиги, и большинство из них предпочитало вечерами оставаться дома, чем собираться компанией и искать приключения на свою голову, чтобы, не дай бог, снова оказаться в лагере труда и отдыха под строгим надзором Тамары Георгиевны.

В духе современной жизни в лагерь попадали даже девочки. Одни за драки с одноклассниками, другие – за курение и распитие спиртного с взрослыми друзьями, третьи за то, что пропускали школу.

Сюда не попадали дважды, а это значило, что методы, применяемые в лагере, были действенными. Часть ребят после пребывания здесь начинали заниматься в спортивных секциях,

часть – посещали занятия археологического кружка при историко-археологическом факультете университета, часть становились заядлыми читателями городской библиотеки.

Ребятам в автобусе было невдомек, что в лагере их ждет не обычная лагерная жизнь с привычным режимом дня, а жизнь, полная усиленных тренировок, жесткого закаливания, изматывающих турпоходов и бытового самообслуживания. Здесь не было технического персонала, как в других местах отдыха. Уборка территории, жилых комнат, стирка белья и одежды, мытье посуды в столовой и чистка овощей – все было на самих ребятах. И если кто-то пытался возражать, саботировать распоряжения взрослых, тот оставался без обеда и ужина, а то и вынужден был ночевать под открытым небом. Такого больше одного дня никто не выдерживал и включался в общее дело. Побегов тоже не было, потому что преодолеть километры по лесу – дело рискованное, если не бесперспективное.

Зато здесь находили настоящих друзей, с которыми не расставались и после приезда в город. Дружба складывалась как по месту проживания – в одной комнате, так и по увлечениям.

Старший воспитатель Петр Алексеевич Терещенко еще при посадке в автобус обратил внимание на четверку пацанов, которые не крутили в руках телефоны, не выпендривались перед девочками, а молча стояли возле родителей, по лицам которых было видно, что они ни за что бы не отправили детей в лагерь, если бы не настоятельное убеждение членов комиссии по делам несовершеннолетних.

Когда все стали рассаживаться в автобусе, эти четверо сели вместе, как будто их что-то притянуло друг к другу. Вот в этом, по мнению Петра Алексеевича, и была опасность. Именно такие тихие с виду ребята доставляли больше всех хлопот воспитателям и вожатым. От них неизвестно чего можно было ожидать, вплоть до побега. Даже явные хулиганы были более предсказуемы, чем подобные тихони.

– Ну ладно, на месте разберемся, – успокоил старший воспитатель одного из вожатых – Олега, в чей отряд и будут определены эти ребята. – Будем вместе приглядывать. Чувствую, хлопот с ними будет ого-го сколько.

Олег незаметно глянул на четверку, которая, казалось, ни на что не реагировала: ни на шум в конце автобуса, где резались в очко, ни на перебранку двух девиц, которые не поделили место у окна, ни на пытающегося что-то спеть Руслана, еще одного вожатого, который в лагере руководил художественной самодеятельностью.

Он открыл папку, нашел учетные листки ребят, в которых были прописаны их «подвиги», даны сведения о семье, учебе в школе, увлечениях. С обратной стороны была впечатана характеристика, подписанная психологом и социальным педагогом, и приклеена небольшая фотография.

«Демис Полиади, 15 лет, спортсмен-каратист, конфликт с учителями в школе, пропуск уроков, на учете с 14 лет.

Клим Дорошин, 15 лет, родители в разводе, разбил дорогую машину, на учете 6 месяцев.

Александр Туров, 16 лет, живет с бабушкой и дедушкой, родители врачи, работают по контракту в Африке, хулиганство на железной дороге, на учете больше года.

Владимир Яровой, 14 лет, родителей нет, два старших брата, ограбил продуктовый магазин в поселке машиностроителей, на учете три месяца».

По мнению Олега, ничего особенного, и зря Петр Алексеевич думает, что ребята доставят много хлопот. Если их правильно ориентировать на спорт или краеведение, то...

Не успел вожатый додумать мысль, как в хвосте автобуса возникла потасовка. Один картежник уличил другого в мошенничестве и теперь требовал вернуть нечестно выигранные деньги.

Старший воспитатель быстро навел порядок, забрав карты и пересадив буяна на переднее сиденье, поближе к кабине водителя. Тот еще долго что-то бурчал себе под нос, грозил кулаком

оставшимся, а потом сунул в рот пару пластинок жвачки, откинулся удобнее на спинку сиденья и прикрыл глаза, словно ничего и не было.

– Слышь, – сидящий у окна паренек дернул за рукав Саньку Турова, – а ведь мы кружим на одном месте.

– С чего взял? – удивился Санька. – Едем и едем.

– Я заметил, солнце было слева, потом справа, сейчас снова слева. О чем это говорит?

– Ну?

– Мы едем по кругу.

– Зачем? – белесые брови Саньки поднялись до середины лба. – Бензина много, да? Девать некуда?

– Не знаю, но если это так, то нас хотят обдурить, чтобы мы думали, что уехали далеко от города. А на самом деле автобус круги дает, чтобы запутать нас, чтобы мы не рискнули в бега удариться.

– Ну, ты даешь! Тебя как звать-то? Следопыт или Фенимор Купер?

– Сам ты Купер, не веришь – не надо.

Сосед отвернулся к окну. Но через некоторое время снова посмотрел на Саньку.

– Клим. Клим Дорошин. А ты?

– Саня Туров. Но меня все Дизелем зовут.

– Почему Дизелем?

– Да так, получилось, – замялся парень. – Застукали меня раз, когда я на крыше дизель-тепловоза катался. Ну, знаешь, вот так прицепишься и катишь.

– А не страшно было? В прошлом году один такой сорвался и под поезд. По телеку показывали.

Санька нахмурился.

– Было дело... Ладно, проехали. Я теперь этими глупостями не занимаюсь. Веришь?

– Верю, – охотно подтвердил Клим. – Давай держаться вместе!

– Давай.

Теперь и Санька заметил, что солнце светит не с той стороны. Он уже хотел спросить об этом водителя, сидящего около двери, но Клим больно ткнул его в бок.

– Зачем им знать, что мы догадались? – прошептал Клим. – Пусть думают, что мы такие же лохи, как и другие.

– Это я – лох? – между спинками сидений просунулась рыжая голова. – А ты, значит, умник? Я, между прочим, уже давно заметил, что мы мимо одного места два раза проехали.

– Какого места? – спросил Клим.

– Большую колдобину заметил, где автобус забуксовал? Наискосок две березки из одного корня растут? – парень растопырил пальцы. – Так вот, может, и третий раз мимо одного места едем, не знаю, но два раза точно. Кстати, меня Яриком зовут.

– Ярик, потому что рыжий? – подначил Клим.

– Потому что фамилия Яровой, понял?

– Не кипятись, – осадил Ярика Санька. – А я Дизель. А это Клим.

– Потому что Климов фамилия? – усмехнулся Ярик.

– Потому что имя Клим, – отрезал Дорошин.

Теперь уже трое внимательно смотрели в окно.

А за окном проплывали вековые деревья, и было удивительно, что такая чащоба находилась недалеко от города.

– Я знаю только одно место, похожее на это, – нарушил молчание Клим. – Мы с отцом на охоту сюда ходили. Это рядом с Большой пустошью, что на левом берегу реки. Там еще высохшее болото, куда все охотники на диких уток охотятся и гусей. А если на тот берег перейти по броду, окажешься в Медвежьей ложине, которая поднимается вверх до Черных камней.

Только туда не добраться – лощина заросла, да и тропа под ногой осыпается. Загредишь – костей не соберешь.

– Ты там был? – в глазах ребят горело любопытство вместе с уважением.

– Был. С отцом. Давно.

Клим замолчал, отвернувшись к окну. Видно, неприятно вспоминать. А вспомнить было что.

Его отец был заядлым охотником. Не было в округе места, которое бы он не обошел по несколько раз. И трофеи были хороши: то зайцев принесет, то глухаря. В сезон однажды кабанчика подстрелил. Клим гордился сильным, умным, удачливым, отцом. Часто бывал у того на работе в автомастерской. Отец был классным специалистом, восстанавливал автомобили после аварий, на слух мог определить, что с движком или коленвалом.

И все было хорошо, пока год назад отец не ушел из семьи. Клим обвинял во всем мать, которая была недовольна частыми отлучками отца, его охотой, друзьями.

– По-твоему я должен целый день возле тебя торчать? – кипятился отец. – Могу я после работы отдохнуть?

– А я могу? – в свою очередь кричала мать. – Я целый день на ногах, в нервотрепке. Дома хочется тишины и покоя!

– Да я тебя не тревожу, – упрекал отец, – я наоборот оставляю тебя в покое. Дай мне возможность делать то, что я хочу. Ну не могу я часами смотреть телевизор, как ты!

– Конечно, часами в гараже или в лесу лучше, чем дома с семьей, – не унималась мать. – Вот мой отец всегда...

– А мой отец охотником был, и я в него, и сын мой будет охотником...

И такие скандалы возникали все чаще и чаще, пока отец однажды не собрал чемоданы, захватил охотничье ружье и снаряжение и не ушел.

Клим очень переживал разрыв родителей, часто бегал к дому, где сейчас проживал отец. Видел, как тот возвращается усталый после работы. Сын часто звонил отцу, а тот говорил, что скучает, что ему плохо без Клим, обещал взять на очередную охоту.

Но однажды Клим решил встретить отца после работы у мастерской. Может, они сходят куда-нибудь или просто погуляют, поговорят.

В тот день отец работал до обеда. Клим ждал его напротив мастерской, возле кафе. Когда отец вышел из ворот, из стоящей у тротуара машины его окликнули. Он обернулся, заулыбался. Из машины вскочила девочка лет шести. Она, раскинув руки в сторону, кинулась к отцу, тот подхватил её, закружил. Девчонка пицала от страха, но была довольна-предовольна. Потом из машины показалась молодая женщина в ярком платье, на высоких каблуках. Не выпуская девчонки из рук, отец обнял женщину, и они веселой компанией пошагали к машине. Мотор заурчал, помигал поворотником и исчез в густом потоке машин.

В летний день Климу стало холодно, словно ему за шиворот насыпали мелкого льда. Он не мог понять, почему отец променял его на эту пигалицу, почему в разговорах жаловался, что скучает по прежней их жизни, а сам...

В тот же вечер Клим пришел к новому дому отца с бейсбольной битой, которую взял у соседа, и в несколько ударов разбил стекла припаркованной у подъезда машины, на которой ездила молодая жена отца.

Когда на звук сирены выскочили жители дома, Клим и не подумал скрыться. Он стоял и смотрел, как отец успокаивает плачущую жену, которая все требовала, чтобы вызвали полицию и Клим посадили за злостное хулиганство. Конечно, парня не посадили, но поставили на учет в инспекции по делам несовершеннолетних.

Больше никаких инцидентов между Климом и его отцом не было, но мальчик замкнулся в себе, стал ненавидеть охотников, убивающих живность ради удовольствия. А зимой подобрал в парке замерзающего щенка, уговорил мать взять его, заботился о нем, гулял утром и вечером,

и пес отвечал ему преданной любовью. И вот теперь Клим беспокоился, как там его Норд, выгуливает ли его мама, как обещала перед отправкой в лагерь. Как он не хотел ехать сюда! Как упрашивал мать не отправлять его, чего только не пообещал, даже посуду после себя мыть. Но маме позвонили из инспекции, и она только согласно кивала невидимому собеседнику, повторяя, как заведенная: «Да, я знаю, ему это пойдет на пользу».

Клим не понимал, какую пользу может принести месяц в лагере труда и отдыха, но спорить не стал, рассудив, что за его хорошее поведение, как и было обещано, его снимут с учета.

Тяжелые воспоминания прервал радостный возглас:

– Ура, приехали!

Автобус стоял у железных ворот, за которыми проглядывал двухэтажный корпус, выкрашенный в темно-зеленый тон, спортивная площадка с множеством снарядов, деревянный помост, окруженный невысоким барьером из толстых канатов.

Справа от корпуса был еще один дом, сзади которого располагался большой гараж и, по-видимому, складское помещение с металлическими дверями с огромным навесным замком.

Ворота открыл невысокий, но мощный мужчина в спортивном костюме и свистком на ленточке.

– Выходим по одному, – скомандовал мужчина. – Строимся! Меня зовут Василий Егорович, я ваш физрук.

Пассажиры автобуса один за другим выходили, с любопытством оглядывались и нехотя вставали в кривую шеренгу. Петр Алексеевич и вожатые встали плечом к плечу с мужчиной, вытащили списки ребят.

– Вы будете разделены на три отряда, – начал Петр. – Сейчас каждый вожатый назовет того, кто будет в его отряде. Потом вы отправитесь к спальному корпусу, где расселитесь по четыре человека в каждой комнате. Ровно в два приходите вон под тот навес, – Петр показал куда-то влево. – Обедаем, а потом основательно знакомимся. Туалеты и умывальники находятся за спальным корпусом. Зоя, начинай, – обратился он к вожатой, девушке лет двадцати пяти, с короткой стрижкой, в джинсах, черной футболке и красной толстовке. За спиной Зои висел маленький рюкзак, из которого выглядывала ручка теннисной ракетки.

– Итак, – протянула Зоя, – в мой отряд попали...

Потом своих ребят выкликал Руслан и Олег, крепкие парни, не только окончившие педагогический вуз, но и успевшие отслужить в армии. У Руслана на левом плече виднелась нашивка парашюта с буквами ВДВ, у Олега джинсы поддерживал солдатский ремень. Оба были в полосатых тельняшках и бейсболках. В отличие от вожатых старший воспитатель Терещенко был одет в темный костюм, темную же рубашку, в руках держал кожаный кейс.

Через несколько минут автобус покинул стоянку перед воротами, Василий Егорович аккуратно закрыл ворота, не забыв навесить хитроумный замок. Для уверенности он качнул раз-другой ворота, но те даже не колыхнулись, и физрук удовлетворенно улыбнулся: без его ведома никто не выйдет за ворота лагеря.

Кстати, сам лагерь был обнесен двухметровым забором из коричневого металлического профиля. От ворот к корпусу вела утрамбованная щебеночная дорожка, от которой в разные стороны отходили дорожки поуже.

Познакомившиеся в автобусе Дизель, Клим и Ярик заняли дальнюю комнату на втором этаже. Четыре койки, четыре тумбочки, небольшой столик и два стула, у двери прибитая вешалка.

– Я сюда, – доложил Дизель, заняв койку справа от окна. Он швырнул рюкзак под койку, вытянулся поверх клетчатого одеяла и облегченно выдохнул. – Поесть не мешало бы. Мне бабуля с собой пирожков дала, только я их еще у автобуса съел.

– Держи, – бросил ему шоколадный батончик Ярик. – Если кто хочет, у меня в сумке еще есть.

Ярик и Клим заняли свои койки, и на несколько минут в комнате воцарилась тишина. Каждый думал о своем и пытался представить, что их ждет здесь.

– Пацаны, – привстал со своего места Клим, – как договорились: держимся друг за друга. Наш Олег вроде парень неплохой, надеюсь, придирается не будет. Нам, как говорится, «ночь простоять, да день продержаться». Месяц – это немного. Зато потом два месяца воли!

– А я все думаю, как там без меня дед с бабулей, – грустно проговорил Дизель. – Как они с сеструхами без меня справятся.

– У тебя их много, сеструх-то?

– Три, – улыбнулся Дизель. – Машке семь лет, Дашке – пять, Аришке – только два исполнилось в мае. Шебутные они, на месте ни секунды не усидят. В прошлом году Машка увела Дашку на пруд. Еще бы немного, и утонули бы. Спасибо соседу. Он мимо проезжал, увидел, кто-то барахтается в воде, ну и достал чуть живых. Дед тогда выпорол Машку, только ей и дела мало. Каждый день у неё новая затея.

– А тебя за что сюда сослали? – поинтересовался Ярик.

– Да я уже говорил ему, что из-за дури. Знакомые ребята пошли на станцию, и за ними. И как я додумался? И ничего в этом смелого нет. Иногда представляю себя на месте того пацана, что сорвался...

Ребята сочувственно покивали.

– Здравствуй, – в дверях стоял парнишка, смуглый, черноглазый. Ярик вспомнил, что видел того на соседнем черед проход сиденье автобуса, он дремал, прикрыв лицо журналом. – Примите в компанию?

Не дожидаясь ответа, черноглазый опустился на койку возле двери, кинул журнал на тумбочку и представился: – Демис Полиади.

– Не русский что ли? – спросил Дизель.

– У меня дед грек, меня в честь него Демисом называли. Если трудно, зовите меня просто Греком. Меня так в спортшколе зовут.

– А ты чем занимаешься?

– Карате-до, слышал?

– Не-а, я слышал только про карате-после! – засмеялся Дизель. – А ты нам приемчики покажешь?

– Да зачем они тебе, – улыбнулся Грек. – У тебя кулаки дай бог каждому. Двинешь, мало не покажется. Бах-бах!

Санька заулыбался.

– Нет, драться это не по мне. Мне родители всегда твердили, что любой конфликт можно разрешить мирно, если включать мозги. Да и руки мне надо беречь, я как папка хирургом хочу стать. Может, тоже в Африку поеду работать. Там, знаете, как интересно! Когда родители приезжают, у нас все соседи собираются, да еще с других улиц приходят. Папка на камеру много чего снимает, куда там каналу дискавери!

Где-то внизу послышался звук свистка. Пора было идти обедать.

Слева от спального корпуса, в тени огромных лип расположился навес, под ним в два ряда сколоченные из досок столы, накрытые клеенкой в мелкий цветочек, вдоль столов – скамьи. В торце каждого стола стояли вожатые, перед ними кастрюли и стопка металлических тарелок. На столах в пол-литровых банках ложки, рядом на подносах нарезанный крупными кусками ржаной хлеб.

Когда все расселись, вожатые стали ловко разливать борщ по тарелкам и передавать их вдоль стола. Весь процесс занял не более двух минут. Также быстро пошли по кругу тарелки с макаронами и сосиской. Потом вожатые заполнили стаканы компотом и сели сами поесть. Никто особенно не разговаривал, как это бывает, когда за столом собираются малознакомые

люди. Только девчонки хихикали, поглядывая на вожатых и делая вид, что совсем не хотят есть.

Когда с обедом было покончено, встал старший воспитатель.

– Сегодня дежурит первый отряд, – объявил он. – Зоя, назначь дежурных по кухне, пятерых отправь к кастиелянше Нине Игнатьевне за бельем. Всем остальным застелить койки, уложить вещи в тумбочки, у кого есть ценные вещи или деньги, сдать мне, я положу в сейф. Сегодня вечер знакомства, будет дискотека. Ужин в семь. Не опаздывать, а то голодными спать ляжете. Отбой в десять, подъем завтра в шесть.

По рядам прошел недовольный гул.

– Ни фиги себе, в шесть! Чего в такую рань! Здесь не армия!

– Верно, не армия, – Петр был спокоен. – Но и не пионерский лагерь. Здесь особые условия, особые требования. Думаю, быстро привыкнете, а кто тормозить будет, тому поможем.

В его голосе не было угрозы, но ребята поняли, что спорить с Петром Алексеевичем бесполезно.

Следующие два часа у ребят прошли в суете обустройства. Дизель с друзьями обошли весь лагерь, убедились, что выйти за периметр лагеря невозможно. Клим рассказал Греку о своих подозрениях по поводу того, что автобус кружил по лесу, создавая у пассажиров впечатление, что они уехали далеко от города, а на самом деле до города было не более тридцати километров.

– Но ведь мы не собираемся отсюда бежать, так, пацаны? – оглядел всех Грек. – Как говорят англичане, если жизнь преподнесла тебе лимон, сделай из него лимонад. И если мы здесь оказались, то надо интересно прожить этот месяц, чтобы было что вспомнить потом. Лично я собираюсь продолжить тренировки, а вы чем будете заниматься?

Друзья не смогли ответить. Да и что тут отвечать: будет день, будут и занятия.

– Меня обещали с учета снять, если буду вести себя хорошо, – вспомнил Клим. – И матери я обещал.

– А я в какой-нибудь кружок запишусь или в секцию, – поделился Ярик. – Тут, я слышал, можно на рыбалку ходить. Я это дело люблю. Мы со средним братом всегда на рыбалку ходили, пока он...

Ярик замолчал.

– Если начал, договаривай, – упрекнул парня Дизель. – Мы же решили, что у нас все будет общее, что мы друг за друга стоять будем. Какие между нами тайны?

Остальные молча поддержали товарища.

Сев в тени раскидистой липы, ребята слушали, как Ярик стал правонарушителем.

У парня не было родителей. Вернее они были, но давно. Когда Ярику исполнилось восемь лет, его отец попал в тюрьму за разбойное нападение. Мать после этого запила, а через год пропала в неизвестном направлении. Остался он с братьями. Старший Игорь к тому времени окончил школу и поступил в автомобильный техникум. Средний Вадим после девятого класса пошел учиться на электрика. Уехав через три года на практику, он почти не общался с братьями, а они не знали, где он и что с ним. Потом Вадим вернулся, но чувствовалось, что вольная жизнь пришлась ему по душе. У него появились друзья, с которыми он тусовался за гаражами, размалеванные девицы, пьющие пиво прямо из бутылок. Часто Вадим не приходил ночевать домой. Однажды Игорь обнаружил пропажу денег из комода. Разразился скандал, и старший предупредил среднего брата, что выгонит из дома, если так будет продолжаться и дальше.

Игорь, конечно, был прав, но Ярик обожал среднего брата, во всем старался быть на него похожим. Ему нравилось, как Вадим играет во дворе на гитаре, и все вокруг девчонки смотрели только на него. Зимой Вадим рассекал на коньках хоккейную коробку, прицельно штурмуя ворота соперника, летом ему не было равных на рыбалке. С Вадимом было весело, он не спрашивал, как Ярик учится, не заставлял его чистить ботинки и мыть уши.

А потом в их жизни появилась Катя. Первым с ней познакомился Игорь, и даже пару раз они сходили с ней в кафе. Но потом Катя переметнулась к Вадиму, который всячески доказывал ей, что её выбор правильный. Он дарил девушке цветы, конфеты в красивых коробках, всякие блестящие украшения, водил её по барам. Откуда он брал на все деньги, братья не интересовались, тем более что Вадим работал в поликлинике электриком.

Однажды ночью брат не пришел. Не пришел и через два дня, и через три. Игорь отправился в полицию, и там ему сообщили, что Вадима подозревают в подломе продуктового магазина возле хлебозавода и теперь его ищут.

Но Вадим сам пришел, только не в полицию, а домой. Он тихо пробрался в комнату Ярика, разбудил того и, проникновенно глядя в глаза, рассказал: ему понадобились деньги, чтобы купить кольцо для Кати, да не простое, а с бриллиантом.

– Понимаешь, братишка, она меня бросит, если я не докажу, что я мужик, – шептал он на ухо Ярику. – Сам знаешь, зарплату я Игорю отдаю, себе оставляю крохи. Как на них девушку развлечь?

– И что теперь будет? – замирая от страха, вопрошал младший.

– А теперь, братишка, я сяду в тюрьму, – со слезой в голосе ответил Вадим. – А моя Катя найдет себе другого. И не будет у тебя брата, который всегда тебя защищал.

Ярик, конечно, не помнил, когда это брат защищал его и от кого, но в ту минуту готов был отдать за него жизнь.

– Ты, братишка, можешь помочь мне... – Вадим еще ближе придвинулся к брату. – Скажи, что это ты подломил магазин. Тебе по малолетству ничего не будет, а меня могут посадить. Подумаешь, поругают немного. Брат брата должен выручать, так?

Потом Вадим долго втолковывал Ярику, что и как отвечать в полиции, сказал, где спрятал часть похищенного.

– Остальное, скажи, потерял, когда убежал с места происшествия, понял?

Ярик все так и сделал. Были бесконечные допросы, следователь убеждал его сказать правду, но Ярик упорно стоял на своем. В конце концов, Игорь выплатил за похищенное, а Ярика поставили на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. Старший брат в ходе следствия сообразил, кто на самом деле виноват, но сделал вид, что все так, как есть. А через неделю он выгнал Вадима из дома, наказав не показываться ему на глаза. Когда ему позвонили насчет путевки в загородный лагерь, он, не раздумывая, согласился отправить туда младшего брата.

Послышался свисток физрука.

– Пойдем, посмотрим, что там, – предложил Дизель. – Скоро ужин, потом дискотека. Вы пойдете?

– Сходим, – ответил Грек. – А пока надо узнать, где можно тренироваться. Интересно, а физрук каким видом спорта занимался, а? Судя по торсу, тяжелой атлетикой.

– Спросить надо, – предложил Дизель.

– Вот и спроси.

– Ну, и спрошу. Подумаешь.

Дизель резво вскочил и пошел на звук свистка. Через минуту потянулись в ту же сторону и другие.

Первый день в лагере заканчивался. После ужина, как и обещал Петр, был вечер знакомств у костра, где по кругу ребята называли себя, говорили, чем увлекаются. В основном все были фанатами компьютерных игр, кто-то говорил о дворовом футболе, девчонки – о певцах и музыкальных группах.

Наши друзья объявили, что хотят заняться туризмом, а Грек спросил, нельзя ли использовать помост в центре лагеря для тренировок по каратэ. Послышался удивленный гул ребят,

парочка оболтусов тут же вскочила и начала дергать ногами в разные стороны, пока один не свалился на траву под смех остальных.

Дорога и новые впечатления утомили ребят, и дискотека прошла вяло. Через час Петр выключил музыку, все отправились по комнатам. Но еще долго то там, то там слышались смешки, возня и пререкания, пока вожатые не прошли по комнатам, и шум стих.

Завтра начинались трудовые и спортивные будни: ранний подъем, часы работы и часы тренировок. Месяц пролетит быстро, рассуждали наши друзья, они вернутся в город, и жизнь потечет своим чередом.

Если бы они только знали...

Занятия

Солнце еще пряталось за вершины вековых деревьев, когда свисток поднял всех с постелей. Через десять минут новые обитатели лагеря гуськом трусили за физруком по лесной дорожке, выходящей вдоль металлического забора. Замыкающим бежал Руслан, который крепкими шлепками подгонял нерасторопных или просто ленивых. Девчонки, ежась от сырости, хныкали и огрызались, когда Зоя, бегущая рядом с ними, убеждала не расслабляться, а то отставшего волк задерет.

– И нет тут никаких волков, – задыхаясь, парировала девчонка с густо покрашенными ресницами (видно, с вечера поленилась умыться), – вы просто пугаете.

– Еще чего, пугать, – у Зои от бега даже дыхание не сбилось. – Хочешь проверить, оставайся. Увидим твой рекорд по спринтерскому бегу.

– Это еще почему?

– Увидишь волка, включишь пятую скорость, – засмеялась Зоя. – Вот тебе и рекорд. Был тут у нас один смельчак. Хотел в кустах отсидеться, да только потом через забор перемахнул как олимпиец. Долго от страха зубами клацал – с волком встретился.

Девчонки подобрались, испуганно зыркали по сторонам, шарахались от каждого непонятного звука, каждого движения веток.

Грек и Клим легко справлялись с нагрузкой, им такие кроссы были не впервой, а вот Дизель едва успевал за друзьями. На вид он был здоровым, но рыхлым, и дома спорту предпочитал тихие занятия. Вот удивились дед и бабуля, когда им сказали, что их Санек бегал за тепловозом, пытаясь прокатиться на его крыше.

Саньке по душе была тихая деревенская жизнь. Он рано научился колоть дрова, топить печку, охотно помогал бабуле на огороде. Над ним посмеивались уличные мальчишки, когда он приводил на берег пруда своих сестричек и учил их плавать, доставал для них желтые кувшинки и даже плел из цветов венки.

Последнее увлечение Саньки было плетение корзин. Дед научил его выбирать упругие молодые ветки ивы, выкладывать дно, а потом вплетать ветки по кругу, чтобы через пару часов в руках красовалась корзинка. Правда, без ручки, так как ручка все никак не удавалась парню: то получится толстоватой, то слишком короткой, неудобной. Только недавно ручка получилась, и довольный дед подарил внуку специальный ножик для нарезки веток. Сейчас ножик лежал среди вещей, на самом дне сумки, ловко засунутый под корешок книжки Даррелла.

Ярик тоже не очень любил бегать. В школе, на физре, конечно, требовали результатов, но по собственному желанию он никогда бы не стал бегуном. То ли дело со спиннингом на берегу реки или озера посидеть, наблюдать, как рано утром рыба в воде играет, как камыш колышется и издает звуки, напоминающие чей-то шепот. Ярик в такие минуты представлял, как на тихий берег выберется русалка или водяной. Несколько раз он даже держал наготове телефон, чтобы, не теряя ни минуты, сфотографировать речных обитателей. Но до последнего времени в его телефоне были только снимки рыбин, которых он вытаскивал на хитрый крючок.

Пробежав, по подсчетам мальчишек, не менее пяти километров, вернулись в лагерь, где обессиленно свалились под деревьями, выравнивая дыхание и отдуваясь. Но на этом Василий Егорович не успокоился. Через три минуты, выстроившись в четыре шеренги, ребята выполняли комплекс упражнений, среди которых самыми трудными были отжимание и приседы «пистолетом». Многие от усталости валились на траву, и только вожатые, сам физрук и несколько тренированных ребят продолжали зарядку.

– Закончили!

Все облегченно вздохнули, радуясь, что утренняя зарядка позади. Но не тут-то было!

– Тому, кто не выполнил всех упражнений, присесть и гусиным шагом отправиться к корпусу. Не забудьте принять душ и заправить постели. Дежурство первого отряда продолжается. В семь тридцать завтрак. Сели!

Измученные ребята сели на корточки и, смешно переваливаясь, побрели гуськом к корпусу. Последним в этом смешном строю был Дизель, не дотянувший зарядку до конца. Друзья решили его поддержать и шли рядом. Через несколько шагов Дизель так запыхался, что чуть не ткнулся носом в землю, но Грек опустил рядом с ним на корточки, подставил плечо и буквально потащил на себе бедолагу.

Послышался свисток – мучения закончились. Дизель еле распрямил ноги, а Грек как ни в чем не бывало попрыгал на месте, размял мышцы и, сняв футболку, поспешил под ледяной душ. В лагере не было предусмотрено горячей воды. Только раз в неделю топились бани, где можно было побаловать себя горячим паром и горячей водой. А на каждый день в распоряжении обитателей лагеря был холодный, можно сказать ледяной душ. Но как ни странно, никто не высказывал недовольства, только слышались взвизги девчонок да шлепки ладоней по голым телам.

После зарядки и холодного обливания ребята почувствовали прилив сил, слышался хохот и уверения, что уж завтра они гусиным шагом не пойдут.

– Посмотрим, – тихо произнес Грек, открывая дверь в комнату. Он один еще до красса прибрал постель и теперь наблюдал, как с этим справлялись его друзья. Ловко получилось только у Ярика, а вот Клим и Дизель, как ни пытались ровно застелить одеяло и покрывало сверху, прямо поставить на угол подушку, не смогли этого сделать.

– Смотри, – Грек подошел к Климу.

Он быстро разобрал постель, потом раз – аккуратно сложил вдвое одеяло, положил и натянул углы, два – кинул покрывало и выровнял край, три – ударом кулака заставил подушку сложиться по диагонали и поставил в изголовье. Теперь постель Клима выглядела, как у него.

– Ну, а ты, что смотришь? – обратился Грек к Дизелю. – Давай, давай.

Дизель хотел обидеться, но решил, что оно того не стоит. Он как смог выправил сделанное, пообещав себе, что завтра заправит постель лучше.

За завтраком никаких разговоров не было, чувствовалось, что ребята проголодались. Все молча ели гречневую кашу с тушенкой, запивая сладким чаем. Кто-то даже попросил добавки.

Не успели отстучать ложки по дну металлических тарелок, как под навес зашла женщина. Она была в темном костюме, хотя день обещал быть жарким, в темной блузке и темных туфлях. У неё были совершенно белые волосы. Кто-то подумал бы, что она рано поседела, другие, что она обесцветилась, но взрослые в лагере знали: директор Тамара Георгиевна от рождения была беловолосой. Вернее альбиносом, человеком, у которого отсутствует красящее вещество меланин. У неё не только волосы, но и брови и ресницы были белесыми. И лицо было белым-белым, как мукой присыпанным. Поэтому Тамара Георгиевна одевалась всегда в темное. Светлая и цветная одежда смотрелась на ней нелепо.

– Здравствуйте, – тихо произнесла она. – Меня зовут Тамарой Георгиевной, я директор лагеря. Надеюсь, первое впечатление об этом месте (она обвела рукой пространство вокруг) у вас сложилось хорошее. Обещаю, по окончании смены вы оздоровитесь, закалитесь душой

и телом, станете более тренированными, чем сейчас, и вам не будет здесь скучно. Но взамен я требую абсолютного подчинения нашим внутренним правилам, главное из которых гласит: за территорию лагеря без сопровождения взрослых ни ногой. Нарушивших дисциплину ждет суровое наказание...

– Какое? – послышался сдавленный возглас.

Тамара Георгиевна посмотрела внимательно на сидящих за столом, но ни на ком не задержала взгляда.

– Лучше вам этого не знать, – ровным голосом произнесла она. – Но поверьте, нарушитель пожалеет. А сегодня отряды живут по плану, готовятся к торжественному открытию лагеря. Расписание работы секций кружков найдете в корпусе.

На этом знакомство с директором закончилось. Ребята составили грязные тарелки и кружки на угловой стол рядом с мойкой и потянулись к корпусу, чтобы выбрать, чем они будут заниматься целый месяц. Как они поняли, безделье здесь не приветствуется.

Сказать, что все были довольны в сложившихся обстоятельствах, значит соврать. Многие уходили с завтрака, недовольно морщась или откровенно злясь. Они не привыкли к дисциплине, строгому распорядку, физическим нагрузкам. То ли дело часами сидеть у компьютера или на телефоне, бесцельно бродить с такими же, как они, по городским улицам, задирать прохожих, тайком пить пиво или энергетики. Пусть потом учителя и родители ругают, «ведут воспитательную работу», они уже почувствовали вкус вольной жизни, они почти взрослые и ни за что не станут ботанами.

Нынешней ночью в одной из комнат шла игра на деньги. Вот это жизнь, вот это драйв, хвастались подростки друг перед другом. Жаль, что потратить выигрыш негде, ни магазина рядом, ни захудалого киоска. Ну, это ничего, через месяц они вернутся в город и тогда гульнут на полную катушку.

А что же наши друзья? Вначале они хотели записаться в одну секцию, но потом раздумали, и каждый сам решал, где ему будет лучше. В случае с Греком все решилось быстро: он был единственным каратистом и попросил два часа утром и час вечером для тренировок на помосте. Клим, узнав, что их Василий Егорович в прошлом не тяжелоатлет, а стрелок из лука, записался к нему в секцию и теперь ждал первой тренировки. Продумав почти час, Ярик отправился к Руслану, который сколачивал группу туристов.

– Там в расписании однодневные походы и трехдневный, – рассказал он друзьям после собрания туристов. – Установка палаток, разведение костра без спичек, переход рек через брод и по стволу дерева, даже готовка на костре, ну и еще что-то, я не запомнил. Нормально, да?

– Вполне, – ответил Грек. – А ты определился? – он посмотрел в сторону Дизеля.

Тот грустно сидел на скамейке под деревом и все никак не мог решить, каким делом ему заняться.

– Может, вышивкой займешься у Нины Игнатьевны? – ухмыльнулся Ярик. – Тебе потом пригодится, когда к сеструхам вернешься!

– Да пошел ты, – отмахнулся Дизель. – Я же не виноват, что не спортивный. Вот был бы кружок типа технического творчества, вот это по мне. Ну, или на крайний случай биологический, там кролики, птички всякие. Не знаете, есть такое?

– В расписании нет, но можно спросить, – посоветовал Клим. – Давай сейчас сходим к Петру и спросим. Кстати, есть еще кружок музыки и пения, не хочешь?

– Не-а, – заулыбался Дизель, – мне медведь на ухо наступил. Если я запою, вы убежите через секунду.

– А ну попробуй! – ребята захохотали.

Так до вечера Дизель ничего про себя не решил. Он слонялся по лагерю, заглядывал в раскрытые двери хозяйственных построек, побывал на тренировке волейболистов под руководством Олега, послушал песни про горы и перевалы под гитару Руслана и сам не заметил, как

оказался под окнами кабинета директора. Здесь была разбита клумба и стояла выкрашенная в разные цвета скамья. Дизель сел, подставил лицо солнцу, зажмурил глаза и в который раз за два дня подумал о бабуле, деде, сестренках.

– Как вы там без меня справляетесь?– проговорил он вслух.

– Да как-то справляемся, – услышал он голос сверху.

Дизель открыл глаза, осмотрелся, потом задрал голову к небу.

– Блин, почудилось что ли? Как будто бабуля со мной говорила...

– Ну, в бабули мне еще рано, – опять раздался голос. – А позволь спросить, о чем это ты тут мечтаешь?

Наконец Дизель догадался, что голос идет из открытого окна, что прямо над ним. Он вскочил, заглянул. Директор. Стоит у окна, улыбается.

Странная это была улыбка. Как будто женщина не хочет улыбаться, но её заставляет что-то. Глаза строгие-престрогие. Такая дырку в тебе просверлит одним взглядом и узнает, что у тебя на душе.

– Да я так, Тамара Георгиевна, – промямлил Дизель. – Просто все уже выбрали секции и кружки, а я нет.

– Почему?

– Да я не знаю.

– Не хочешь заняться спортом?

– Нет.

– В поход?

– Нет.

– Творчество?

– Только техническое.

– Уже хорошо. Давай договоримся, я сегодня подумаю, а завтра тебе кое-что предложу. Идет?

Дизель недоверчиво поглядел на директора. Станет ли она беспокоиться о нем? Что здесь можно предложить, это ведь не центр творчества, как у них в городе. Вот он целый год собирался записаться в центр, но руки так и не дошли: работы много по дому было. Он ведь жил на окраине, в частном секторе. А работа по дому, огород, сестры занимали все свободное время. Какое тут техническое творчество!

Но Тамара Георгиевна не обманула. Не на следующий день, а через день она позвала Дизеля к незаметной пристройке возле гаража. В ней хранились доски разной длины и ширины, стояли станки, а на большом деревянном столе были разложены инструменты и приспособления. Здесь пахло стружкой и техническим маслом, совсем как у деда в его мастерской, которую он оборудовал в старой бане, когда они построили новую.

В левом от входа углу стоял небольшой столик и ножным приводом. Рядом в цинковом тазу были видны куски засохшей глины.

– Знаешь, что это такое? – спросила Тамара Георгиевна. – Это гончарный круг. Видел когда-нибудь, как на таком круге горшки делают, чашки разные?

– Только по телеку, – ответил заинтересованный Дизель. – Но тут учиться надо.

– Вот и учись, кто мешает. У меня, кстати, есть журнал, там большая статья для начинающих. Приди, заberi.

– Хорошо, Тамара Георгиевна, – заверил Дизель. – А мне когда можно сюда приходить?

– Вот тебе ключ, не потеряй. А ходить по расписанию кружков. Я Олегу скажу, чтобы он тебя отпускал. Но надеюсь на твое благоразумие

– В смысле?

– Не курить! Понял? Иначе здесь все сгорит. Не сносить тогда мне головы.

– Да я не курю, – возмутился Дизель. – Однажды дед поймал меня с сигаретой, в классе втором, наверное, так за уши отодрал, что будь здоров. Так что я ни-ни, не думайте.

– Вот и хорошо. Да, глину можешь брать там, в дальнем конце лагеря, – она махнула рукой в сторону, противоположной той, откуда они пришли. – Там увидишь разрытую яму. Она, правда, сверху травой заросла, Но ничего, возьмешь лопату, снимешь верхний слой. И пользуйся.

Так Дизель нашел себе занятие, которое поглотило его с головой. Он теперь мог часами просиживать за гончарным кругом, пробуя слепить хоть самую простую чашку. Не получалось. Не было навыка: то забывал ногой привод качать, то пальцы слишком сильно давили на глиняную заготовку, то сама глина была жидковатой или, наоборот, густой.

Но через неделю дело пошло. Первым из-под его рук вышел совсем не плохой горшок, потом получились два стаканчика, один, правда, чуть завалился на сторону. Потом пошло-поехало! Один раз Дизель попробовал кувшин сделать, но не получилось. Пока шло широкое место, все было нормально, а как до узкого горлышка дело добрался, так и застопорилось. Горлышко никак не хотело получаться, то было слишком низким и широким, то очень узким и заваливалось в сторону. Помучившись, Дизель решил, что пока остановится на горшках, тарелках и стаканчиках. Вот они-то у него с каждым разом все лучше выходили.

Но его изделия требовали основательной сушки и обжига. Сушить можно было на крыше пристройки, а вот где обжигать? Пошел просить помощи у поварахи тети Люси.

– И не думай даже! – не дослушав, закричала та. – Ни за что! Я в духовке пироги пеку, мясо-рыбу запекаю, картошечку опять же. А ты хочешь туда своих глиняных уродцев поставить!

– А почему сразу уродцев, – обиделся Дизель. – Еще не видели, а обзываете. Ну, можно только разик для пробы, а, тетя Люся? Я, если хотите, разрешение у Тамары Георгиевны спрошу.

– Причем здесь разрешение, – возмутилась повараха. – На кухне я хозяйка, а не Тамара Георгиевна, понял?

– Понял.

Мальчишка мялся у двери, видя непреклонность поварахи. Но что он мог сделать? Духовка в лагере была одна здесь на кухне.

– Ладно, – сжалась тетя Люся, – приноси свою глину. Только предупреждаю: после себя все убрать до блеска, духовку вычистить. Тебе какая температура понадобится?

– Не знаю, – протянул Дизель. – Я в журнале читаю, может, там написано про это.

Он вприпрыжку помчался к пристройке, мечтая, как удивятся завтра друзья, когда увидят его глиняную посуду.

– Эх, еще бы специальную краску для рисунков по глине, – загорелся новой идеей Дизель, – увидели бы тогда...

Вечером, как и договаривались, Дизель пришел на кухню, сунул в духовку горшок и пару тарелок. Тетя Люся зажгла горелки, выставила температуру 300 градусов. Они сели и стали ждать. Через какое-то время в духовке что-то громко треснуло.

– Блин, горшок лопнул, – чуть не плача проговорил Дизель. – Что не так?

– Санек, не расстраивайся, – начала успокаивать его повараха. – Может, температура не та, может, еще какая подготовка нужна, а может, в глину надо что-то добавлять. Тебе бы со знающим человеком поговорить.

– Да где же его взять? Все пропало.

– Успокойся ты, чего расстроился раньше времени. Попроси Петра Алексеевича, чтобы он тебе нужную книжку по гончарному делу привез из библиотеки. Должны же быть такие книги!

Дизель тяжело переживал неудачу. Он, конечно, поговорил с воспитателем насчет книжки, но надежды на то, что в ней он найдет секрет обжига глины, не было никакой.

Друзья, как могли, успокаивали незадачливого гончара, приглашали с собой на секции.

– Пойдем со мной к Василию Егоровичу, – предложил Клим. – У него знаешь, какие луки и арбалеты! Один спортивный, вот такой большой, с загнутыми краями, с длинными стрелами, а другой гораздо меньше, скругленный и стрелы к нему небольшие. Я уже несколько раз попадал в мишень! – похвастался он. – В конце смены Егорыч обещал провести соревнования на кубок лагеря. С двадцати шагов нужно будет попасть в дерево, представляешь?

Видно было, насколько Клим увлекся стрельбой из лука. Он все свободное время проводил между длинной стеной гаража и металлическим забором. Там с одной стороны стоял глухой щит из струганных досок, к нему прищипливали бумажные мишени, в которые и целились ребята. Несмотря на то, что в секции было шестеро ребят, сам тренер выделял именно Клима, говорил, что у парня талант к стрельбе, и в средние века он мог бы поспорить в ловкости с самим Робин Гудом. Он, конечно, преувеличивал, чтобы поддержать парня, но день ото дня Клим все ближе подбирался к десятке.

Грек, как и хотел, тренировался в одиночку. Вначале, правда, посмотреть на его прыжки и удары по воображаемому противнику приходили девчонки и некоторые мальчишки, но потом интерес у них пропал – со скуки умрешь часами наблюдать, как он отрабатывает удары, по сотне раз отжимается, подтягивается на турнике или приседает с утяжелением. А еще он мог без конца лупить по стволу дерева, сбивая в кровь костяшки пальцев рук и щиколотки. Самое интересное было наблюдать, когда Грек вытаскивал деревянные нунчаки и с быстротой фокусника вертел их и так, и эдак. Нунчаки свистели в воздухе, то прижимаясь к боку, то отлетая на вытянутой руке в сторону. Японский снаряд, казалось, был продолжением рук Грека. Даже в комнате перед отбоем он отрабатывал технику, пока в корпусе не гас свет.

Дизель завидовал упорству друга. Однажды попробовал покрутить нунчаки, но отбив пальцы, больше ни разу к ним не притронулся.

Веселым приходил с тренировок и Ярик. Он донимал друзей разговорами о том, как сегодня перебирались по веревочному мосту через воображаемую реку, как определяли стороны света по коре деревьев, как искали съедобные травы и разводили костер, используя простую линзу или осколки стекла. Он разучивал аккорды на гитаре Руслана и уже подбирал самые простые мелодии. Туристы почти каждый вечер собирались у костра, слушали походные песни и сами пели «Солнышко лесное».

Дни летели, приближался конец смены. За неделю до окончания старший воспитатель объявил, что на закрытии лагеря пройдет военно-патриотическая игра.

– Вы, наверное, знаете, что во времена монголо-татарского ига недалеко отсюда русские войска встретили врагов и, несмотря на численное превосходство, кочевники не смогли прорвать оборону русских, – сказал он. – Правда, и наших полегло немало. Археологи не раз находили в земле оружие тех времен и сумели в общих чертах восстановить ход главной битвы. Мы с вами сделаем историческую реконструкцию одного из боев в Колчинской долине. Для этого разделимся на русских воинов и монголо-татар. Вожатые расскажут, что нужно делать. Костюмы мы вам подберем, а оружие сделаете сами. В мастерской есть всякий материал.

Это было здорово! Кто откажется поиграть в войну! Но среди наших друзей только Клим отозвался на призыв старших. Он уже представил себя лучником, поражающим монголов. Вот только нужно было самому смастерить лук и стрелы.

– А вы не хотите? – удивился он, когда друзья без всякого энтузиазма обсуждали предстоящую игру. – Хотите, я вам тоже сделаю луки, будем лучниками.

– Не, – протянул Дизель, – я на это не подписывался. – Бегать, стрелять это не по мне. Я лучше раненых буду с поля боя выносить, – засмеялся он.

– Я тоже не хочу в этих стрелялках-убивалках участвовать, – проговорил Ярик. – Видел год назад, как здоровые мужики играли в захват крепости, тоже рубились на деревянных мечях, кулаками махали. Смешно.

– И ничего не смешно, – встал на защиту игры Клим. – Это тот же спорт, только интереснее, потому что все вместе. Ну, вы пойдете?

Друзья промолчали. Конечно, участвовать все равно придется, но они не разделяли восторгов своего товарища.

А в лагере вовсю шла подготовка к игре. В мастерской выпиливались мечи, сколачивались щиты, из веток делались стрелы, которые, надо сказать, более двух метров не пролетали, а то и вовсе падали тут же к ногам стрелка. Вожатые постоянно шушукались, куда-то пропадали, потом появлялись и загадочно молчали. Откуда-то притащили большой котел.

– В день битвы столовая работать не будет, – возвестил Петр. – Обед будет в полевых условиях. Все будет, как в те времена.

– А где сама игра пройдет? – не удержались от вопроса мальчишки.

– На Большой пустоши, – был ответ.

Будущим русским и монгольским воинам это название ничего не говорило, зато Клим обрадовался – он вновь побывает там, где в последний раз охотился с отцом.

– Я там такие места знаю, закачаешься. Если повезет, поднимемся по Медвежьей ложине. Там по краю кусты дикой малины растут, малина просто объедение!

Ни Грек, ни другие не разделяли восторгов товарища, но помалкивали, чтобы не обидеть. Понимали, что для Клима это важно, ведь место связано с отцом.

В последний день перед игрой в лагерь завезли костюмы. «Монголо-татары» получили мохнатые шапки и коричневые балахоны с застежкой на спине, «русские воины» по замыслу организаторов игры должны были воевать в штанах и рубахах, подпоясанными веревкой.

– Ну и чучело, – смеялись друг над другом участники будущей битвы. – Умора! Да я в этом балахоне и шагу не сделаю!

Четверка друзей по жребию воевала на стороне русских. Клим был вооружен самодельным луком и стрелами из ивовых прутьев, Ярику достался деревянный меч и щит, Дизель доделывал пику, а Грек засунул за пояс нунчаки.

– Раньше такого оружия не было, – запротестовал Ярик.

На что Грек спокойно ответил:

– А ты откуда знаешь? У японских крестьян было такое оружие, им другого не положено было носить. Так, может, и у русских что-то похожее было.

– Ага, палица или дубина, – показал свои познания в истории Дизель. – Давай тебе дубину вырубим!

– Сам ты дубина, – улыбнулся Грек. – Давайте не будем париться. Игра это игра. Буду махать кулаками, ходили же воины врукопашную.

Дизель закончил шлифовать пику ножиком, который он достал из переплета книги.

– Какой интересный у тебя нож, – только сейчас обратил внимание Клим.

Нож был широкий со скошенным под углом в двадцать пять градусов лезвием. Ручка состояла из двух тонких деревянных пластин. Лезвие складывалось и пряталось в ручке.

– Деду по заказу сделали, – похвастал Дизель. – Когда я корзинки стал сам делать, он мне его отдал, чтобы ивняк резать. Вначале хотел дома оставить, а потом взял.

– А ловко ты спрятал его, – похвалил друга Грек. – Ни за что не догадаешься, что в корешке что-то спрятано.

– А я его завтра с собой возьму, – сказал Дизель.

– Зачем? Вожатые увидят – отберут.

– Не-а, не увидят, – самодовольно проговорил Дизель. – Гляди.

Со дна большой сумки он достал толстую леску, просунул его в едва заметную дырочку на ручке ножа, а потом обернул леской талию. Под любой одеждой его не будет видно.

– Хорошо придумано, – оценили друзья.

После ужина весь лагерь готовился к предстоящей исторической реконструкции: примеряли костюмы, учились держать оружие. В коридоре даже кто-то начал шутивное сражение на мечях.

Это была последняя ночь, которую четверка друзей провела в лагере.

Историческая реконструкция

После плотного завтрака отряды строем отправились к месту проведения исторической реконструкции. Идти пришлось достаточно долго, и хорошо, что с утра не было жары. По голубому небу плыли кучевые облака, со стороны реки дул свежий ветерок. Над строем кружили птицы, удивляясь, куда и зачем идет эта странная группа людей, одетых в необычную одежду и несущих деревянные предметы, напоминающие старинное оружие.

Первую остановку сделали на берегу реки. В её узком месте был оборудован брод, состоящий из нескольких притопленных стволов лиственницы. Между ними в дно вколоты прочные шесты. Сейчас шесты связывала между собой туристическая веревка. Идти нужно было осторожно, держась за веревку.

Первым пошел Петр Алексеевич, за ним медленно перешли реку ребята из первого отряда, потом из второго и третьего. Вожатые помогали девочкам и тем, кто боялся оступиться на осклизлых стволах. Последним реку перешел Василий Егорович и Олег, они несли огромный котел.

От реки отряд повернул чуть в сторону и спустился в закрытую с трех сторон ложбинку, которая вывела их на Большую пустошь.

Это было огромное поле, окаймленное с севера холмами, поросшими колючим кустарником, с запада естественной границей служила излучина река, с востока – Медвежья лощина, которая рваной раной поднималась на холм, вершину которого украшали налезавшие друг на друга блины скальной породы – привет последнего ледникового периода.

В течение двух часов ребята обустроивали походные станы, ставили главную палатку, где по идее должен был заседать военный совет, девочки под руководством Зои собирали сухостой для костра, над которым уже был повешен котел.

– Вот вам ведро, принесите воды, – скомандовала вожатая двум крепким девчонкам.

– А где мы её возьмем?

– Идите в сторону Медвежьей лощины, во-о-н туда, и под старым деревом увидите ручеек. Пойдете вдоль него и увидите родник. Вот там и наберете.

– Мы боимся одни, – заныли девчонки. – Вдруг заблудимся, или медведь на нас нападет. Дайте нам кого-нибудь из мальчиков.

Зоя тяжело вздохнула. Вот дурищи! Потом обернулась. Без дела, по её мнению, бродил по лагерю русских воинов Клим Дорошин. Он парень крепкий, не из пугливых. Пусть поможет девочкам, а то и вправду две городские дурочки заблудятся.

– Дорошин! – окликнула она Клина. – Проводи Ряднову и Горохову до родника, а то они боятся одни. Это вон туда...

– Да знаю я, – невежливо перебил вожатую Клим. – Мы здесь с отцом бывали на охоте, я эти места хорошо знаю. Пошли, трусики!

Группка из трех человек пошла по направлению к Медвежьей лощине, а тем временем к игре все было готово.

К Петру Алексеевичу, осуществляющему общее руководство, подошли командиры враждующих сторон. Он им подробно объяснил, что и как происходило на самом деле в те далекие времена, и посоветовал точно следовать плану игры.

– И помните, чтобы не было по-настоящему раненых и ушибленных, оружием пользоваться с осторожностью. Не размахивать без толку, не тыкать в лицо. – Он глянул на часы. – Через полчаса услышите звук трубы. На середину выйдут два воина, которые начнут биться между собой. Монгольский воин тогда победил, значит, русский воин должен упасть, как будто мертвый. Только после этого в схватку вступают остальные бойцы. Все понятно?

– А кто выйдет на середину? – спросил командир «монголов».

– Сами решайте, но это должны быть воины с мечами.

Командиры кивнули и отправились к своим, выбирать богатырей для единоличной схватки и объяснять, когда остальным вступать в бой.

Слабым голосом на огромной пустоши прозвучал сигнал трубы. На середину вышел «монгол», одетый в коричневый балахон и кепке, к которой был приделана пушистая тряпка, изображающая волчий хвост, меч заткнут за пояс. Круглый щит болтался на локте. «Русак» в белых широких штанах, такой же рубахе, затянутой ремнем, держал в правой руке деревянный меч, в левой – разрисованный фанерный щит.

Под одобрительные крики своих воинов противники начали вяло махать мечами, но потом им так это понравилось, особенно когда их стали поддерживать выкриками девчонки, что они живее стали передвигаться по траве, норовя ткнуть соперника в грудь или на худой конец в ногу.

– Давай-давай! – кричали с одной стороны. – Врежь ему!

– Коли монгола, пусть неповадно будет на русскую землю нападать! – слышалось с другой.

Как и было задумано, через несколько минут русский воин упал, «сраженный» вражеским мечом. Болевшие за своего русские воины с возмущенными криками кинулись на врагов.

Бедные Руслан и Олег, Петр Алексеевич и Василий Егорович только успевали уговаривать сражающихся не перегибать палку, быть осмотрительнее и не вкладывать в свои удары полную силу.

Конечно, многие в этот день получили синяки и шишки, на телах других появились ссадины и царапины. Но никто не проявил слабости, не хныкал и не жаловался. Через час битвы часть русских воинов лежала на земле, но и монголы, потеряв десяток своих, медленно отступили и скрылись за пригорком.

Снова зазвучал сигнал трубы – конец битве. На поле выскочили девчонки и как сестры милосердия помогали раненым подняться, отводили их в тень деревьев, подносили кружки с водой, мазали йодом раны.

Уставшие, но довольные ребята собрались на небольшой полянке, возле костра, над которым уже закипал котел. Зоя как раз опускала в кипящую воду картошку и пшено, рядом стояла железная миска с нарезанным луком и открытые банки с тушенкой. Проголодавшие мальчишки поглядывали на котел, ждали сигнала к обеду.

– Пока варится суп, предлагаю устроить индивидуальные соревнования лучников и копеечников, – возвестил Руслан. – Видите вон тот щит между деревьев? Вначале лучники с той и другой стороны стреляют по три раза, мы подсчитываем очки. Потом копеечники пытаются поразить мишень. Выигрывает тот, кто больше всех наберет очков, а наградой будет...

Тут рядом с ним появилась Нина Игнатьевна с подносом. На подносе, под белым полотенцем был большой пирог с джемом. Мальчишки одобрительно загудели, схватили свои луки и копия и, возглавляемые Русланом, двинулись к щиту для стрельбы.

– А где Клим? – спросил друзей Ярик, оглядывая стоянку. – Кто его видел?

– Я нет, – ответил Дизель.

– Я тоже, – отозвался Грек, приподнявшись со своего места. Он оглядел снующих туда-сюда ребят, но нигде не увидел друга. Вон лучники собрались группой напротив щита, но и там Клим не было.

– Куда он подевался? – уже волнуясь, произнес он. – Ты его в битве видел? – обратился к Дизелю.

– Нет, я с левого того фланга был, а Клим должен был прикрывать нас сзади.

– Странно, – протянул Грек. – Может, скажем водителю?

– Лучше подождем, – предложил Ярик. – Чего раньше времени паниковать. Вдруг он в кусты побежал от страха!

Они засмеялись и снова растянулись на траве под деревом. Становилось все жарче.

– Пойти копье метнуть, что ли? – спросил неизвестно кого Дизель. – Правда, жарко и лень, но пирога хочется.

– Тебе бы только сладкое лопать, – подколот его Ярик. – Ладно, иди. Мне тоже пирога хочется.

Дизель отправился вслед за другими меткими стрелками и метальщиками копий, а Грек и Ярик все думали, куда мог пропасть их друг.

По результатам соревнований победу одержали «монголы». Дизель расстроенный упал рядом с друзьями, недовольно ворча и жалуясь на несправедливость судьбы.

– Из второго отряда пацаны заступали за линию, так нечестно! – возмущался он. – А у нас одно попадание не засчитали, видите ли, копье сразу же упало на землю. А что такого? Попадание же было. Скажешь, я не прав?

– Прав, успокойся, – не глядя на друга, ответил Грек. – Хочется пирога, попроси Зою, она отрежет кусок.

Тут от костра действительно послышался голос Зои, которая под смех собравшихся разрезала не один, а два пирога.

– Идите все! – обратилась она к проигравшей стороне. – Всем хватит!

Ребята побежали на зов. Под деревьями остался Грек. Ему было лень двигаться в такую жару, да и сладкого он не любил.

Где же Клим?

Прошел еще час. Девчонки затеяли волейбол, кто-то стал просить Петра Алексеевича разрешить искупаться в реке, но тот не соглашался, потому что хорошего спуска к реке нет, да и дно в этом месте никто не проверял.

– Вдруг там коряги под водой или омут, – успокаивал он нетерпеливых. – Обещаю, вернемся в лагерь и сходим на озеро.

– Ну-у-у, – заныли расстроенные ребята. – Какое там озеро, лучше сказать пруд для малолеток. Там и воды по колено, не нырнуть, ни поплавать.

– Ладно, уговорили, – согласился с доводами воспитатель. – После обеда мы с Олегом проверим дно, и если нас это устроит, то купание будет.

– Ура-а-а! – закричали все, кто слышал обещание Петра, а тот, повернувшись к костру, спросил: – Обед готов, хозяйюшка?

Раскрасневшаяся от жары и огня костра Зоя большой поварешкой зачерпнула из котла, осторожно попробовала и зажмурилась от удовольствия.

– Вкуснятина! Так, разбираем миски, ложки, – скомандовала она. – Берем по куску хлеба и встаем в очередь. Первыми подходят раненые.

Заждавшиеся обеда вояки соскочили со своих мест, мигом растащили миски, каждый получил из рук Нины Игнатьевны хлеба и встал в очередь к котлу.

Поварешка отмеряла порции, ребята усаживались в тени деревьев, ставили миски прямо на землю и, шумно с хлебывая горячее варево, довольно жмурились – на свежем воздухе все вкуснее кажется.

Греку пришлось сходить к котлу два раза, за себя и за Клим. Зоя обратила на это внимание, но ничего не сказала. Возможно, просто парень сильно проголодался. Что же ей супа жалко? Пусть ест.

– Кому добавки? – позвала она. – Разбирайте, я сейчас чай здесь буду заваривать.

Желающие добавки были. С их помощью котел быстро опустел, и Зоя с Ниной Игнатьев-ной отправились к ручью, чтобы вычистить его и набрать воды для чая.

Не успели друзья доесть свои порции, как откуда ни возьмись рядом с ними появился Клим. Он был чем-то озадачен.

– Ты где...

– Пацаны, тихо, – попросил Клим. Тут он увидел миску под деревом. – Мне взяли поесть? Спасибо.

Он заработал ложкой, а друзья отметили, что кроссовки Клима были сильно запыленные, на руках и лице краснели свежие царапины. Но не это вызвало интерес, а выражение лицо парня.

– Ты, что с медведем встретился? – пошутил Дизель. – Ты какой-то не такой.

– Лучше бы с медведем, – понизил голос Клим.

– Привидение? – округлил и без того круглые глаза Ярик.

– Хуже.

– Да что может быть хуже? Инопланетян? Так они бы тебя не отпустили, забрали бы тебя на планету Альфа Центавра, – подначил друга Ярик.

– Заткнись ты, – огрызнулся Клим. – Я даже не могу рассказать, что видел. Вы это должны увидеть своими глазами.

– Что увидеть, где?

Клим неопределенно махнул рукой в сторону Медвежьей лощины.

– Ты туда ходил? – поинтересовался Грек. – И как тебе удалось исчезнуть из лагеря?

– Случайно. Зоя попросила меня с девчонками сходить к роднику, что возле лощины. Я девчонкам показал, где это, а назад они сами пошли. Я говорю им, вы идите, а я тут ягоды поищу, потом вас угощу. Они пошли, а я решил по лощине вверх забраться до камней.

– Зачем? – спроси Грек.

– Не знаю, – честно ответил Клим. – Как будто что-то тянуло меня туда. Короче, полез... Там такие заросли, видно, никто давно этим путем не пользуется. Два раза чуть ни свалился, под ногой насыпь поползла. Видите, руки?

Клим протянул руки, кожа на ладонях и впрямь была содрана.

– Ты не сказал, что там увидел, – напомнил ему Ярик.

– Я добрался до вершины холма, пошел к камням, ну тем, которые блинами лежат. Там такое опасное место, можно запросто загреметь костями вниз. Но я пробрался, залез на один блин, а там...

– Что? – затаили дыхание мальчишки.

– Между блинами находится пещера. Если со стороны смотреть, то и не увидишь вовсе, а если чуть вглубь пройти, тут и вход будет.

– Ну, а дальше?

– Дальше я в пещеру прошел, она у входа невысокая, а через три шага расширилась, и я уже головой потолка не доставал. Там с одного края блины неплотно друг на друге стоят, и получилась щель, через которую свет проходит. Я огляделся, прямо под скалой родничок крохотный. Я руку опустил – лед, а не вода. Попил и огляделся. И тут...

– Ну, чего ты тянешь?

– Нет, это вы должны видеть сами. Вставайте, пойдем.

– Куда? – хором спросили Дизель и Ярик, а Грек уже догадался куда.

– Ты предлагаешь пойти через Медвежью лощину к пещере? То есть сбежать из лагеря?

– Да не сбежать, а на время только.

– Тебя полдня не было! Представь, сколько времени понадобится нам, чтобы доползти до пещеры, а потом вернуться, – покрутил пальцем у виска Грек. – За такую отлучку тебя не

только с учета не снимут, а еще чего похуже придумают. Помнишь, что сказала директриса? Мало не покажется!

Клим загорячился.

– Грек, пацаны! Если бы это было что-то простое, я бы не звал вас. Но там...

– Ты можешь толком сказать, что ты там увидел? – потерял терпение Грек.

– Хорошо, – тихо произнес Клим. – Не хотите, не надо. Но учтите, у вас не будет другой возможности разгадать такую загадку, такую загадку!

Под деревьями повисла тишина. Каждый прикидывал, во что им выльется самоуправство, вернее побег из лагеря. Хорошо, если оно того стоит, а если из-за чепухи так рисковать?

– Клим, – снова обратился к другу Грек. – Это действительно что-то такое, ради чего можно рискнуть?

– Да, пацаны. И вы не пожалеете, что послушаете меня. А если нас потом... Да чего мы боимся, послезавтра отъезд. Ну, поругают, ну пригрозят. Через день дома будем. Надо о другом думать: как незаметно исчезнуть.

– Сейчас все на реку купаться пойдут, – напомнил Дизель. – Пойдем как будто со всеми вместе, а вон за теми кустами свернем. Только идти надо последними.

Друзья обдумывали план, предложенный Дизелем.

– Ладно, решено, – подвел итог размышлениям Грек. – Постараемся быстро туда и обратно. В крайнем случае, скажем, что отошли за ягодами и немного заблудились. Там хоть ягоды есть?

Клим пожал плечами.

– А я видел?

Немного погодя весь лагерь двинулся к реке. Впереди шли вожатые и старший воспитатель, Василий Егорович и Нина Игнатьевна укладывали на ручную тележку посуду. Клим и компания шла позади всех, а дойдя до кустов, резко свернула влево и пропала из виду. Будто и не было их здесь.

Потом был трудный подъем по Медвежьей ложине. Она действительно заросла колючим кустарником выше человеческого роста, под ногами каменистым почва была неустойчивой, и ноги норовили соскользнуть. Ребята взмокли, пока преодолели половину пути. Там, где ложина чуть загибается вправо, они сели передохнуть.

– Блин, как ты второй раз поднимаешься по такой крутизне, – удивился выносливости друга Дизель. – Если бы знал, что так трудно, фиг бы пошел. Пропади все твои загадки!

– Не ной! – остановил его Грек. – Пошли, значит, надо дойти. Вставайте.

Они вновь поднимались по едва заметному прогалу в чащобе ложины, остерегаясь хлесткого удара веток по лицу или цепких колючек, впивающихся в одежду и голые части тела.

Удивительно, но здесь не было слышно птиц, хотя внизу, на пустоши, их перекличка была очень слышна. Не было здесь и вездесущих комаров, мух или мошек. Словно мертвой была ложина. Судя по всему, и зверь здесь не водится.

– А почему ложина называется Медвежьей? – задыхаясь, спросил Ярик.

– Отец рассказывал, что давным-давно на охотников вышел бурый медведь, хотя сроду их тут никто не видел. Пока сообразили, пока ружья взяли наизготовку, того и след пропал. Ходили охотники, ходили, но кроме следов и кучки дерьма, ничего не обнаружили. Как сквозь землю провалился.

– Может, и провалился, – предположил Дизель, – тут и нам немудрено провалиться. Идем, сами не знаем куда. А вдруг обрыв, и мы не заметим? Загребим по полной.

Наконец они преодолели последний подъем и вышли к подножию камней, лежащих друг на друге в виде неровной стопки блинов.

– Ну, куда дальше? – огляделся Грек. – Где твоя пещера?

Клим пошел вперед, показывая путь товарищам. Через пять минут они оказались рядом с нижним скалистым блином. Им пришлось подтянуться на руках, чтобы забраться на него. Сделав несколько шагов, они уперлись в едва заметный проход между блинами.

– Пещера, – тихо проговорил Ярик. – Заходим? А вдруг там медведь живет?

– Я там никакого медведя не видел, – ответил Клим. – Даже следов нет.

Они протиснулись в узкий проход и через несколько шагов оказались в довольно просторной пещере. Сверху она освещалась через узкую щель, у левой стены действительно бил родник, при этом не издавая никаких звуков. И вообще в пещере стояла удивительная тишина. Как будто её снаружи обложили ватой.

– У! – подал голос Дизель. – Ого-го!

Эха не было, звук повис рядом, как будто ему некуда было лететь.

– А теперь смотрите, – шепотом произнес Клим. – Да не туда смотрите, а вот на эту стену.

Вначале друзья ничего особенного не увидели: камень и камень. А потом пригляделись. На ровной поверхности освещенной сверху скалы были выцарапаны человеческие фигурки. Каждая в полметра высотой. Первой была фигура человека, у ног которого сидел зверь, похожий на собаку. За спиной человека виднелся лук и колчан со стрелами. Вторая фигура изображала воина. В руках он держал предмет, состоящий из двух шаров, соединенный цепью, а на поясе у него висел длинный нож. Третья фигура отличалась от двух первых тем, что ростом человек был гораздо выше, да и комплекция более мощная. У него не было никакого оружия, но весь его вид говорил о том, что его лучше не злить. И последний изображенный на скале человек стоял, держа в опущенной руке рыбину невиданных размеров. Хвост её волочился по земле, а голова была ничуть не меньше человеческой.

Ничего особенного в изображении древних людей не было. Ученые находили и более интересные наскальные рисунки, где изображались сцены охоты или жизнь далеких предков. Но от других рисунков эти отличались тем, что...

– Глазам не верю, – протянул Грек. – Ущипните меня, пацаны, я сплю?

– Обалде-е-е-ть! – воскликнул Дизель. – Мистика какая-то! Не может такого быть, потому что не может быть никогда!

Ярик молча хлопал рыжими ресницами, не в силах переварить и как-то объяснить увиденное – над фигурами были нацарапаны слова: КЛИМ, ГРЕК, ЯРИК. А поверху шла корявая надпись: «ЗДЕСЬ БЫЛ ДИЗИЛЬ».

Сомнений не было. Рисунки изображали их, имена были их, но они никогда раньше здесь не были.

– Слышь, Клим, признайся, что ты нас разыграл, а? – очнулся от столбняка Дизель. – Пришел, нарисовал и хочешь, чтобы мы поверили во всю эту чушь? Ха-ха-ха! Я чуть не поверил! Особенно, когда увидел вот это «ДИЗИЛЬ», а не ДИЗЕЛЬ. Я всегда ошибаюсь, когда пишу... А ты откуда это узнал? Ну, что я пишу с ошибкой это слово?

В пещере повисла тишина. Друзья переваривали увиденное и не могли найти разумное объяснение тому, что видели.

– Если кто-то сомневается, – с обидой произнес Клим, – и думает, что это мой розыгрыш, то глядите, царапины на скале не новые. В них уже забились пыль. Я при всем желании не смог бы это сделать. И художник из меня никакой. Да и вообще, – закричал он, – зачем мне все это надо? Думаете, я не понимаю, что за уход из лагеря нам влетит? Но я должен был вам это показать. Или я не прав?

– Прав, друг, – за всех ответил Грек. – Вот загадка, так загадка. Что делать будем? Возвращаемся?

– Конечно, – подхватил Дизель. – Только давайте передохнем. И пить очень хочется.

Он подошел к роднику, набрал пригоршню ледяной воды, попил, потом брызнул на лицо и шею.

– Уф, хорошо!

Другие последовали его примеру. Потом они ненадолго присели, привалившись спиной к камню и глядя на рисунки неизвестного автора, который знал их имена.

Незаметно в пещере стало темнее. Усталость навалилась на друзей и, пообещав друг другу, что они сейчас чуть отдохнут и двинутся назад, не заметили, как уснули. Тишина. Потом ночь проникла внутрь и укрыла их, как одеялом.

Сколько времени прошло, неизвестно. Но ребята проснулись от холода. От камней пещеры несло сыростью, родник ворчливо изрыгал из-под земли свою кристальную воду, в проеме пещеры стояла белесая мгла.

– Туман, – поделился Грек. – Подъем! И так задержались. Нас, наверное, уже ищут. Дизель, подъем!

Мальчишки нехотя поднялись, оглядели место своего отдыха, в темноте рисунков не было видно.

Из-за густого тумана и снаружи ничего не было видно на вытянутую руку.

– Давайте подождем! А то в таком тумане собьемся с дороги или рухнем с обрыва, – предложил Ярик.

Он вышел из пещеры, подошел к краю блина, сел. Остальные сделали то же самое. Ждать пришлось недолго. Откуда-то подул насыщенный запахами леса ветер, разогнал клочья тумана, и перед глазами друзей раскинулось зеленое море дремучего леса.

– Слышь, а снизу лощина не казалась такой густо заросшей, – поделился наблюдением Дизель. – Мне казалось, что отсюда должна проглядывать пустошь и река, а не видно. Ну что, двигаем?

Они спрыгнули с каменного блина и, пытаясь сориентироваться, пошли направо, потом повернули налево. Никакого прохода нигде не было.

– Как мы сюда прошли? – в недоумении произнес Клим. – Я в тот раз как пришел, тем же путем и вернулся к вам. А сейчас ничего не пойму. Как будто здесь все изменилось.

– А может, мы с другой стороны пришли, – предположил Ярик. – Давайте посмотрим.

Но с другой стороны было то же самое. Только деревья подходили к самой пещере, и за ними ничего не проглядывало: ни пустоши, ни реки. Ничего. Только бесконечный лес.

Нехорошее чувство проникло в души ребят. Им стало страшно и одиноко. Но они не показывали виду, что по-настоящему испугались. Вот Клим, например, сколько бывал в лесу и на охоте, и за грибами, ни разу в жизни не заблудился. Для него лес всегда был открытой книгой, а тут непонятки. Словно кто-то за часы, проведенные ими в пещере, поменял декорации.

– Чего стоим, чего ждем? – спросил Грек. – Давайте спускаться. Клим, иди впереди, ты лучше ориентируешься. Все равно путь только вниз. Спустимся, там видно будет.

И они пошли. Через дремучий лес. Тропинки не было, их вчерашних следов тоже. Место было незнакомое. Только почва под ногами не изменилась, осыпалась, открывая белесую внутренность.

Сколько прошло времени, они не знали. Неожиданно лес кончился, пошел кустарник, который был похож на тот, через который они продирались, поднимаясь вверх. Заросли кустарника резко поредели, и ребята вышли на крутой берег реки.

Темные воды реки были так не похожи на то, что они видели раньше. Река стала как будто шире, её берега поросли мощными деревьями, и никакого спуска к ней не было.

– Надо поискать брод, – предложил Дизель. – Он был там, слева.

Они двинулись вдоль обрывистого берега в надежде найти брод из поваленных стволов.

– А почему тут никого нет? – словно про себя спросил Ярик. – Почему нас не ищут? Дети пропали, а они и не заметили?

– Это ты что ли дети? – усмехнулся Грек. – Смотри внимательнее, чтобы брод не прозевать.

Через несколько минут они сверху увидели брод. Но это был не тот брод, на который они рассчитывали. Огромные валуны перегораживали реку в узком месте. Вода здесь бешено бурлила, и страшно подумать, чтобы по такому броду переходить на другой берег. Никаких стволлов, лежащих в воде, никаких кольев, никакой веревки.

– Ну, что, перебираемся? – спросил Грек. – Можно долго стоять, а толку? Я вот что подумал: вдруг за то время, что мы были в пещере, ГЭС прорвало, и вода хлынула. Потому и река кажется такой мощной. Воды в ней явно прибавилось. Или только мне так кажется?

Остальные промолчали. Насчет ГЭС идея неплохая, тем более что столько лет по телеку говорили, что станция требует реставрации, что плотина изношена и так далее. Может, действительно, произошла авария? Тогда понятно, что никто их не ищет. Не до того!

Постояв еще немного в раздумье, ребята юзом спустились с высокого берега к самой воде, робко ступили на мокрые камни. Разъяренные волны набрасывались на валуны, поднимая миллионы крупных брызг. Вмиг одежда на мальчишках промокла, но останавливаться было нельзя: они шли друг за другом, держась на камнях изо всех сил. Дойдя черепашим шагом до середины, увидели небольшой провал между камнями. До следующего камня надо было проплыть метра три-четыре. Грек первым прыгнул с камня, за ним другие. И только оказавшись по шейку в воде, они почувствовали мощь течения. Их сразу начало сносить вниз, накрывая волнами с головой. Брод остался далеко справа, а стремительно двигаясь на середину реки, поток нес с бешеной скоростью, не давая как следует вздохнуть. Они только беспомощно молотили руками по воде, держа голову выше, чтобы не захлебнуться. Со скоростью электрички мимо них проносились растущие по берегам реки деревья, нигде не было видно ни одного прохода, ни одного признака человеческого жилья.

Вокруг была дикая природа, в тиски которой попали слабые, беззащитные пятнадцатилетние мальчишки, которые видели столь бурное течение только в кино.

Как выбраться из воды, кто им поможет?

Время от времени над рекой раздавались испуганные крики: «Мама!», но шум реки поглощал их, и вряд ли кто мог услышать слабые голоса детей.

Когда никакой надежды на спасение не осталось, течение реки вдруг поутихло, повернуло ближе к пологому берегу. Друзья с трудом выбрались из воды. Мокрые, испуганные, они оглядывали пустынный берег, слышали гул столетних деревьев и звуки живых существ в лесу. Вот прокричала какая-то птица, вот под чьей-то торопливой ногой захрустел валежник.

Где они?

Плутание в лесу

Через пару часов над лесом показалось солнце. Ребята так замерзли в мокрой одежде, что были очень рады живительному теплу светила. Обнаружив на берегу выброшенный ствол дерева, обмотанный пожухлыми водорослями, они присели рядком, чтобы осознать произошедшее с ними.

– Если бы не было так холодно, – клацая зубами, произнес Ярик, – я бы решил, что сплю. И лес не тот, и река не та. Что думаете, пацаны?

– Я думаю, что мы ошиблись, когда из пещеры выходили, – подал голос Грек. – Надо было не вправо выходить из пещеры, а повернуть налево. Мы просто спутались.

Больше ни у кого не было никаких версий. Клим молчал, не понимая, как они смогли заблудиться. Даже в шестилетнем возрасте он легко находил дорогу домой из Тихановского леса, куда они с отцом ходили за грибами. У него, как говорили, в голове навигатор. Он ночью легко находил дорогу, а в этот раз с головой что-то произошло. Он оглядывал местность и не мог сообразить, куда им сейчас двигаться. Навигатор сломался. Еще было обидно, что во время бешеного плавания по течению он потерял кроссовки, и сейчас не представлял, как босой пойдет по лесу.

Босым был и Грек. И его кроссовки на липучках остались на дне реки. Хуже всех выглядел Дизель. Правда, свои тапки он не потерял, зато при падении в воду сильно ударился о валун, и теперь огромный кровоподтек разлился от правого виска до скулы.

– Что делать будем? – подал голос Ярик. – Надо двигаться. И если мы приплыли оттуда, – он кивнул влево, – то и двигаться надо туда же. Пойдем по берегу реки, выйдем к жилью. Не может быть, чтобы здесь не было никакой деревни. Все-таки город недалеко.

Друзья молчали, но каждый понимал, что идти надо – здесь их могут просто не найти.

Согревшись окончательно и просушив одежду, парни двинулись по берегу против течения реки. Они шли и удивлялись заповедному виду окрестности: не было видно ни одного признака человеческого вмешательства в жизнь природы. Не было привычных современному человеку мест пикников, не валялись на берегу и не плыли по реке пластиковые бутылки и прочий мусор. Даже воздух был другой – чистый, свежий, с запахом меда.

Птицы в лесу надрывались в криках, иногда явственнее слышался шум от движения каких-то живых существ. Но ни звуков самолетов над головой, ни свиста электричек от железнодорожной станции, ни гула машин по трассе не было слышно.

– Вот заблудились, так заблудились, – нарушил молчание Дизель. – Предлагаю остановиться и передохнуть. Я вот что придумал: Клим залезет на дерево и сверху посмотрит, в какую сторону нам двигаться. Ну, там, сотовая вышка или дымок какой. Может, населенный пункт увидит. А то идем, идем, а куда – неизвестно.

Его спутники согласились. Они присели тут же на берегу, отдохнули, потом выбрали дерево повыше – огромную лиственницу, верхушка которой вознеслась над другими деревьями минимум метров на пять.

Клим вначале обошел толстый ствол дерева, примеряясь, как лучше обхватить его руками-ногами и добраться до первых толстых ветвей.

– Давай я тебя подсажу, – предложил Дизель. Он прижался к стволу спиной, сложил ладони в замок. Клим вставил ногу в ладони друга, оттолкнулся и оказался чуть ниже уровня веток. Ему пришлось карабкаться по шершавому стволу, пока не зацепился правой рукой за нижнюю ветку. Потом дело пошло быстрее. Ловко перебираясь в ветку на ветку, через несколько минут парень оказался почти на вершине. Перед ним расстилалось зеленое море непроходимого леса.

– Мамошка, – чуть не плача проговорил Клим. – Где мы?

Он обводил глазами раскинувшееся перед ним пространство и нигде не видел ни малейшего признака присутствия человека. Только лес и лес, а над ним легкие облака, бегущие в ту же сторону, куда шли и они.

Клима затрясло от страха и жуткого предчувствия, что они никогда больше не увидят людей, так и пропадут здесь, в дремучем лесу, рискуя быть съеденными дикими зверями. Сквозь слезы он заметил далеко впереди высокие холмы, покрытые также лесом и изрезанные черными оврагами. Если напрячь воображение, то можно было признать в одном из оврагов Медвежью лошину, а самый высокий холм был поход на тот, где в пещере они провели ночь.

– Ну, что? – закричали ему снизу ребята. – Видишь что-нибудь? Куда нам двигаться?

Мальчик еще раз огляделся. Справа и впереди лес, позади река, а за ней снова лес. А вот слева...

Слева, он заметил, лес реже, а там, где он заканчивается, вьются чайки. Это значит, там тоже была река. Но не это главное! Главное, что в той стороне Клим заметил движение воздуха, словно маленькое облачко поднималось над землей. Он изо всех сил напряг зрение и убедился, что это не облачко, а дым! Дым костра! А рядом еще один дымок, и еще!

– Вижу деревню! – закричал он. – Вот там!

Он протянул руку влево. Клим постарался запомнить направление. Навигатор вновь заработал. Теперь мальчик был уверен, что отыщет деревню.

Несколько минут ему понадобилось, чтобы спуститься с дерева. Не теряя времени, путники двинулись в сторону деревни.

– Там лес кончается, – на ходу сообщил он ребятам, – потом река. Я видел над ней белых птиц, это чайки. И еще несколько дымков. Может, печи топят. Ну, или несколько костров горят. Не знаю.

– А лагерь наш не видел? – с надеждой спросил Ярик. – Где-то он должен быть. Не за тридевять земель мы же от него уплыли.

– Лагерь я не увидел, – задыхаясь от быстрого шага, проговорил Клим. – В той стороне только лес. Наверное, мы все-таки далеко вниз по течению уплыли. Скорость реки вон какая была.

Не разговаривая, ребята пробирались по чащобе. Трудно было Климу и Греку, потерявшим в реке обувь. Ярик и Дизель подлаживались под их осторожные шаги, хотя им хотелось как можно быстрее выбраться из этого жуткого места.

Сколько они так прошагали, неизвестно, но солнце, пробивающееся сквозь ветки деревьев, стояло уже над головами. Был полдень, как минимум. Они очень устали, хотелось есть и пить, но они не останавливались, пытались быстрее добраться до человеческого жилья. Там им помогут, накормят и сообщат в лагерь, что они нашлись. Ребята были готовы, что их будут ругать, что опять предстанут перед членами комиссии, что им влетит дома... Все это по сравнению с этим диким лесом было пустяком, не заслуживающим внимания.

Вскоре лес стал реже. Огромные, толстоствольные лиственницы, дубы и ясени сменились хилыми березками и осинами. Сам воздух изменился. Пропали медовые запахи и запахи лесных цветов и ягод. В нос полез противный запах гнили и затхлой воды. Пройдя еще немного, друзья обнаружили, что попали в болото. Крики птиц стали зловещи, почва под ногами ощутимо колыхалась при каждом шаге.

– Блин, попали! – Грек обвел глазами пространство. Лес, по которому они пробирались, остался позади, впереди, куда ни глянь, жалкая растительность над ярко-зеленой ряской, покрывающей поверхность болота. То там, то здесь из-под неё выпирали черные кочки, поросшие жесткой коричневой травой. Рядом с кочками чернела вода, по которой расходились крупные пузыри газа.

– Так, пацаны, остановимся, – скомандовал Грек. – Болото шутить не любит. Давайте возьмем палки и будем пробовать дно, чтобы не провалиться. Ты, Клим, иди впереди. Только осторожней, мы друг за другом на расстоянии два метра. Если кто-то провалится, не бросайтесь сразу на помощь, иначе тоже угодите в трясины. Если что, палки кладите перед собой и опирайтесь на них. Пошли потихоньку.

Поминутно ощупывая палками дно, ребята осторожно пробирались по зыбкой поверхности, чутьем улавливая, куда можно поставить ногу, а где надо быть осмотрительным. Напряжение росло. Болотный газ не давал им глубоко вздохнуть, щипал глаза и забивал носоглотку. А тут еще ужасная мошкара, которая облаком опустилась на мальчишек и теперь безбожно кусала оголенные места. Через полчаса их было не узнать: вместо глаз щелочки, губы и носы распухли, кожа на лице и другие голых местах была в мелких кровотокающих ранках.

Идти становилось все тяжелее, и они уже пожалели, что двинулись через лес. Надо было двигаться вдоль реки, и тогда можно было выйти к жилью, правда, сделав основательный круг. Зато не попали бы в ловушку болота. Но что об этом сейчас думать! Надо было выбираться.

С каждым шагом силы оставляли наших друзей. Голодные, замершие, смертельно уставшие, они еле передвигали ноги, изо всех сил вглядываясь в заросшую ряской трясины. Уже несколько раз их пугали громкие выхлопы болотного газа, угрожающие выплески жижи из-под кочек и оглушительные выстрелы сгнивших деревьев под ногами. А еще они не раз замечали крупных черных змей, которые проползали и проплывали совсем рядом. Правда, твари не обращали на людей никакого внимания, но от этого не становилось спокойнее на душе.

– А! – неожиданно вскрикнул Ярик, обнаружив на ближней от себя ветке свисающую гадюку. Он отпрыгнул назад и толкнул спиной Дизеля. Тот неловко взмахнув руками, сделал два шага в сторону и вдруг провалился по пояс в трясину. Все растерялись, а Дизель почувствовал, как его потянуло на дно. От ужаса, что болото засосет его, он заорал во всю мощь легких.

Пока Грек и Ярик тупо смотрели на погружающегося все глубже товарища, Клим в два прыжка добрался до ближайшей осинки и, напрягая все свои силы, пригнул её верхушку к земле.

– Хватайся! – закричал он Дизелю. – Не ори, хватайся!

Дизель его услышал. Он с трудом вытянул руку из болота и схватился за дерево. Рука в скользкой жиже скользила по ветке, не позволяла удержаться, тогда он вытер её о голову и уже крепко вцепился в осинку. А Клим тем временем согнул ещё одну осинку. Дизель без слов понял, что делать. Он сидел по грудь в болоте, удерживая себя от полного погружения усилиями рук. Осинки гнулись, потрескивая у основания, и грозили переломиться. Тогда Дизелю уже ничто не поможет!

Не стовариваясь, мальчишки закричали, что было сил. Эхо крика разнеслось по болоту. Оно прыгало, ударялось о деревья, отскакивая от кочек, и тонуло в разрывах ряски. В этом крике были боль, ужас, страх смерти и надежда на спасение!

Когда кричать не стало мочи, ребята принялись выдирать из болота небольшое деревца, толстые ветки и устилать ими путь к яме, в которую провалился Дизель. Как они его будут доставать, пока не знали, но и оставлять товарища в беде не думали.

– Ярик! – закричал Грек. – Ты слышал?

– Что? – отвлекся от своего дела мальчик. – Где?

– Только что! Какой-то крик, как будто человек кричал.

– Нет, я не слышал, – проговорил Ярик. – Может, тебе показалось?

– Не знаю. Может, и показалось.

Но в этот миг уже и Ярик услышал слабый крик где-то впереди.

– Я сейчас, – крикнул он и побежал в ту сторону, откуда опять донесся слабый звук. Теперь он был дальше, а это значило, что тот, кто кричал им в ответ, уходил от них.

Ярик помчался по болоту, не обращая внимания ни на чавкающую под ногами жижу, ни на опасно торчащие сухие ветки деревьев, норовившие ткнуть в глаз или зацепиться за одежду. Ему не было страшно ни змеи, ни другие обитатели болота. Надежда на встречу с людьми вселила в него силы, заставляла быстрее двигаться, каким-то чудом уворачиваясь от опасностей страшного места.

Легкие разрывались от бега, голова кружилась от мерзкого запаха болотного газа, но его было не остановить. Несколько раз Ярик падал, подворачивая ногу, ударяясь о лежащие под водой гнилые стволы деревьев. Он не заметил, как потерял кроссовки и даже не чувствовал боли в исколотых ногах.

Неожиданно он выскочил на твердую почву, ещё несколько шагов, и оказался на большой поляне, заросшей яркими цветами. Но не они привлекли его внимание, а слабый дымок, вившийся над оставленным кострищем.

Здесь только что были люди! Ярик оглядел поляну. От кострища влево трава была чуть примята, значит, именно туда ушли люди. Согнувшись до земли, Ярик выдохнул скопившийся в районе диафрагмы воздух и кинулся в ту же сторону. Он бежал так, как не бегал никогда!

Поляна закончилась, пошел лес, который напомнил ему тот, в который они зашли у реки. По крайней мере, болото кончилось, ноги не тонули в зловонной жиже, и можно было не бояться, что с ближайшей ветки на тебя упадет ядовитая змея. Мальчик еще прибавил скорости, хотя понимал, что его силы на исходе. Впереди резко вскрикнула птица, ей ответила другая. Тут Ярик споткнулся и, не удержавшись, покатился по мягкой лиственной подстилке.

Он сильно ударился боком о торчащий корень, и врезался бы головой о мощный ствол, если бы чьи-то руки не подхватили его на лету.

– Камо борзо ристаешь? (куда так быстро бежишь) – раздался над ним голос. – Еда женуть ты и хоти живота гонезе? (неужели тебя преследует кто-то и хочет жизни лишить). Занеже зрак твой изуметися (потому что вид твой сумасшедший).

Ярик поднял голову. Его держали руки молодого мужчины, одетого странно: поверх рубахи меховой жилет, затянутый кожаным ремнем, штаны из грубой серой ткани, на ногах что-то вроде сапог, но перекрученных ремешками до самого колена. Длинные светлые волосы стянуты на лбу кожаным ремешком с рисунком. На поясе головами вниз висели два зайца.

– Коло залаз? (что за опасность), – снова спросил мужчина. – Ке немой, отрок! (чего молчишь, мальчик). Рекл еси! (скажи)

– Отнуду в заточном мясти отрок? (откуда в таком гнилом месте мальчик), – проговорил кто-то рядом. Голос был детский, и Ярик, повернув вправо голову, обнаружил подростка своего возраста, одетого также странно, как и взрослый. Только на нем не было мехового жилета, зато на голове был надет убор из шкуры зайца, и даже лапки свисали по обе стороны лица мальчика. У того на поясе висела большая птица с черно-оранжевым оперением. – Може, прелагатай явисся? (может, разведчик явился).

– В таке лядине прелагатай? (в таких зарослях разведчик). Занеже залаз ему (это ему гибель). В той ловище навь жде сякыго (в таком глухом месте смерть ждет всякого).

Ярик продолжал молчать, соображая, на каком языке говорят эти странные люди. Удивительно, но по интонации и отдельным словам он улавливал общий смысл разговора.

– Там, в болоте, – заговорил он быстро, – мои товарищи. Провалились, понимаете? В болоте.

– Стране отрок, – проговорил старший. – Болото?

– Дрягове, – догадался младший из путников. – Залаз дрягове (опасное болото). Аз чуял плищ (я слышал шум, крик).

– Идеже уноты? (где другие)

– Там, – понял вопрос Ярик и махнул в сторону, откуда прибежал.

– Яти вервь, (возьми веревку), – обратился старший к младшему, – ристань за мне (беги за мной).

Сбросив на землю заплечные мешки, странные люди мигом исчезли за деревьями, оставив Ярика соображать, кто они и откуда. Почему говорят на непонятном языке, почему одеты так странно? Или в соседнем лагере другая историческая реконструкция? Но ведь опасность реальная, могли бы выйти из навязанной роли. Вот, блин, артисты. Мальчик растянулся на земле и только сейчас осознал, насколько обессилел. Руки, ноги дрожали, в глазах мелькали черные точки, кожа нестерпимо горела от укусов мошки и многочисленных царапин.

Но это уже было неважно, главное, чтобы они спасли Дизеля и вывели из страшного болота Клина и Грека.

Прошло не менее часа, когда рядом слышались голоса. Ярик узнал голос странного мальчика в заячьей шапке.

– Лонись окрест шеломани плоть имали сякий странный. Отрок був утый. Зрак застенный, плюсны язвлены (в прошлом году возле холма труп нашли такой странный. Подросток истощенный, лицо темное, ступни разодраны).

Остальные молчали. Вскоре Ярик увидел своих друзей. Вымазанные с головы до ног болотной жижей, в разорванной одежде, они производили жалкое впечатление. Хотя парень он и понимал, что и сам выглядел не лучше.

Поднявшись с земли, он подошел к друзьям и, не сдерживая слез, обнял Дизеля.

– Дизель, друг... – он больше ничего не сказал, боясь расплакаться как маленький.

– Ладно, проехали, – сказал тот, – спасибо тебе... спасателей нашел. Только...

– Потом разберемся, – прервал его Ярик.

– Инже соколате буде (в другом месте разговаривать будете), – прервал их старший. – Зело гоньзнути доволити егда ны сугнути ноць (надо быстро двигаться, пока ночь не застала нас).

Друзья поняли, что от них требовалось и, преодолевая усталость, поспешили за своими провожатыми. Стараясь не отстать, они все шли и шли, казалось, лесу не будет конца.

Через пару часов они остановились на отдых. Конечно, их провожатые могли и обойтись без этого, но глядя на измученных подростков, чья одежда, волосы и лица, измазанные болотной жижей, подсыхали и доставляли мучения, спасители расположились на берегу маленького лесного озерца с чистой и прогретой солнцем водой. Пока они разводили огонь, мальчишки прямо в одежде кинулись в воду, с наслаждением смывая, сдирая с себя комья грязи, терли лица, шею, руки, выполаскивали штаны и рубахи. Накупавшись вволю, они вылезли на берег, разложили мокрые вещи на траве и ближайших кустах, чтобы просушить.

За это время старший из провожатых выломал две небольшие рогатины, воткнул их у костра, а на толстый прут насадил уже ободранных зайцев и расположил его на рогатинах. Младший зашел в лес, собрал там сушняк и, ломая его на небольшие ветки, подбрасывал в костер.

Скоро над озером поплыл аппетитный запах жареного мяса. Мужчина разломил тушки зайцев на части, из мешка достал куски лепешки и вручил каждому.

Еду запили водой из озера и снова двинулись в путь. С каждым часом идти становилось все труднее. Ноги нестерпимо болели, но даже пожаловаться не было сил. А их провожатые как ни в чем не бывало легко преодолевали очередной подъем, ловко перепрыгивали через небольшие овражки, искусно обходили бурелом. Они почти не разговаривали, лишь изредка перебрасывались словом-другим. Из их речи друзья ничего не понимали, но видели, что это касается их.

На пути маленькой группы людей часто попадались мелкие зверушки, вроде ежей, белок и енотов, крупные птицы взлетали из-под самых ног, чуть в стороне слышался топот невидимых копыт. Но так как провожатые были спокойны, то и они перестали обращать на это внимание.

– Заповедник какой-то, – заметил вполголоса Клим. – Я столько зверья ни разу в лесу не видел. Вот куда надо на охоту ходить.

– Смотри, как бы тебе самому не стать дичью, например, для волка или медведя, – ответил Грек.

– Я бы сейчас опять зайчатины поел, – вздохнул Дизель. – Придем мы когда-нибудь или так и будем бродить по лесу? А вдруг они заблудились, только признаться не хотят?

Услышав это, младший из проводников улыбнулся:

– Странней сякий (ты такой странный).

Больше он ничего не сказал, а Дизелю стало стыдно за недоверие к человеку.

Но все дороги когда-то кончаются, кончилось и их мучение.

Лес сильно поредел, и они стали подниматься на холм. Вернее они поднимались по широкой лощине меж двух холмов, забирая все дальше вправо. По свежему сырому воздуху и громким крикам чаек они догадались, что за холмом течет река. Поднявшись еще немного, они увидели перед собой ограду из толстых ошкуренных стволов лиственниц. Между стволами высокие кольца с насаженными на них черепами животных или остатками их шкур. Через крепко сбитые ворота путники вошли в селение.

За оградой, еще выше на холме, виднелись огромные валуны, сложенные пирамидой неведомым великаном. Можно было, конечно, принять это за чудо природы, но уж больно правильная пирамида получилась.

– Ходите, (идите) – приказал старший.

Они прошли за ворота, которые тотчас за ними закрыли двое здоровяков с пиками и длинными ножами за поясами, и оказались в поселении как из учебника истории древних славянских племен. По обеим сторонам располагались деревянные избы, крытые дранкой, положенной на жерди. В основном избы стояли на сваях, между полом и землей оставалось пространство в полтора метра, откуда выглядывала мелкая домашняя скотина: козы, овцы, телята. Перед каждой избой выложен каменный очаг, возле которого сутились женщины. Чтобы попасть в избу, нужно было подняться по невысокой лесенке, пересечь что-то вроде помоста, потом открыть дверь в саму избу.

С наружной стороны под самой крышей избы находилось продолговатое отверстие шириной в ладонь. Выше отверстия к бревнам прибиты шкуры зверей, кое-где черепа животных, пучки трав и ветки деревьев.

Улица поселения, если её можно так назвать, была длинной и упиралась в большой дом напоминающий барак. Он тоже стоял на сваях, но в промежутке между полом и землей не было живности. Зато перед домом располагался очаг, больше напоминающий плавильную печь, состоящую из плоского валуна внизу и огражденную металлическим полукругом. На нижнем валуне была сложена кучка хвороста, над ней вился дымок. Позади большого дома вверх к холму шла утоптанная тропа, оканчивающаяся у пирамиды из камней.

Сразу за оградой, слева, в землю был вколот толстый кол. Рядом торчали колья поменьше, но сразу было видно, что это боевые колья, ведь каждое было с железным наконечником. Толстый кол венчала шкура волка вместе с головой, лапами и хвостом: мертвая голова волка была насажена на кол, шкуру шевелил слабый ветерок.

Дальше стоял навес: четыре дерева соединяла общая крыша, устланная еловыми ветками. Пространство под навесом было разделено жердями на два загона. В одном находились лошади, в другом был свален стожок сухой травы. Возле лошадей сутился дед. Длинные седые волосы, перехваченные по лбу кожаным ремешком, не скрывали изрытого глубокими морщинами лица и закрытого бельмом левого глаза.

Провожатый махнул ему и показал на друзей. Дед подошел, оглядел всех четверых, что-то сказал провожатому и покачал головой. Провожатый рассмеялся в ответ, пожал плечами и пошел вверх по улице к большому дому.

А старик повел усталых путников к навесу под деревьями. Люди от ближайших домов с интересом посматривали на чужаков, что-то спрашивали у старика, но, занятые своим делом, близко никто не подошел.

Под навесом была сложена сухая трава. Дед показал, что они могут сесть. Потом он принес деревянное ведро с водой и глиняную чашку.

– Пити, – сказал он, протянув чашку.

Грек взял чашку, зачерпнул воды, выпил, передал чашку Климу, тот Ярику, а Ярик – Дизелю. Напившись, они поняли, насколько проголодались. Но старик уже ушел, и никто не собирался их кормить.

– Это тебе не лагерь, где завтрак, обед и ужин по расписанию, – проговорил Дизель. – Так и загнуться от голода можно. Негостеприимный народ.

– Не о том думаешь, – тихо проговорил Грек. – Тебе ничего не кажется странным? Например, деревня с такими странными избами, язык, который мы не понимаем, одежда людей. Мне кажется, я схожу с ума. Или сплю.

– Тогда мы все спим и видим один сон, – заговорил Клим. – Но такого быть не может. Может...

– Не надо, – оборвал его Грек. – Чувствую, ты сейчас выдашь такую версию случившегося, что мы все сразу тронемся умом. Скажешь, нет?

– Не хочешь, не слушай, а я скажу. Возможно, там, в пещере, был открыт портал в прошлое время. Мы каким-то образом проникли через этот портал и очутились на много столетий назад. Я такое в кино видел про путешествие во времени. Если принять мою версию, то все становится на свои места: и язык, и одежда, и дикий лес без признаков цивилизации. А теперь я выслушаю ваши версии.

– Ну, ты даешь, – подал голос Дизель. – Вначале привел нас в пещеру, потом говоришь, что там портал. А нам что теперь делать? Опять идти в пещеру, чтобы через тот же портал в свое время попасть? А вдруг опять не туда угодим?

– Слушай, Клим, – загорелся Ярик, – помнишь, ты рассказывал, почему лощина Медвежьей называется? Появился ниоткуда медведь, который исчез неизвестно куда, так?

– Ну, так.

– Так он тоже через портал прошел отсюда в наше время, а потом испугался и снова перебежал в свое время. Как вам моя идея?

– Никак, – огрызнулся Дизель. – Медведь, может легко передвигаться по лесу и болотам, а я чуть не утонул. Хочешь сказать, что нам надо вернуться к пещере и попробовать вернуться в наше время?

– Ну, да, – неуверенно произнес Ярик. – А что есть другой выход?

Выхода из сложившейся ситуации не было. Им было жутко представить, что придется вновь вступить в дикий лес, пересечь болото, потом подняться по течению реки, перебраться через опасный брод на другую сторону, вскарабкаться по заросшей лощине и забраться в пещеру, где они провели ту роковую ночь. Даже если они преодолеют этот трудный путь, где гарантия, что все случится так, как они думают. А вдруг портал открывается один раз в год или даже в столетие? Что, опять возвращаться? Опять плутать, тонуть в болоте?

Картины прошедшего дня прошли перед мысленным взором друзей. Они снова пережили страх и смятение, внезапно оказавшись вдали от цивилизации, от всего привычного, что окружало их с детства. Они привыкли, что о них заботятся взрослые, охраняют и направляют, а если и ругают когда, то за дело.

– А если попросить вот этих, – кивнул на жителей селения Ярик, – проводить нас до пещеры. Ну, что им стоит, они вон как хорошо ориентируются в пространстве, наверняка, лес знают, как свои пять пальцев.

– Иди, попроси, – предложил Грек. – Вот только как ты с ними будешь объясняться? Сомневаюсь, что они поймут тебя. Хотя, надо признаться, кое-что я понимаю из их речи.

– Я тоже, – обрадовался Ярик. – Вроде не по-нашему, а понятно. Это, наверное, старорусский язык. Так наши предки-славяне говорили.

– Скоро ночь, а мы до сих пор не ели, – заныл Дизель. – У меня живот болит. Хорошо, хоть зайца в обед съели. Я скоро ноги протяну с голодухи.

– Тише, вон дед идет.

К ним раскачивающейся походкой приближался дед. Он остановился, поставил на землю кувшин и положил рядом холщовый мешочек.

– Ясти, друже, – улыбнулся дед и, не оглядываясь, пошел восвояси. Мальчишки живо открыли мешок. Там лежали куски темной лепешки, в кувшине – молоко. Ни слова не говоря, они набросились на скудную еду. Чуть подкрепившись, решили, что утро вечера мудренее, и завалились спать на траву, приготовленную, видать, для лошадей.

Ночью они не слышали, как к ним подошли две женщины: одна высокая, крепкая, другая – старая, высохшая. Женщины о чем-то посовещались, взглядываясь при свете полной луны в утомленные лица детей, и отошли к крайней избе.

Возле неё стояла молодая девушка во всем белом, с распущенными светлыми волосами, украшенными речными кувшинками. Они еще посовещались уже втроем, а потом растворились в ночи. И только неяркий огонек у каменной пирамиды загорелся вдруг и долго мерцал

оранжевым язычком. Потом на селение опустился туман, который поглотил и звуки, и всякое движение.

Вот так неожиданно четверо друзей оказались в глубине веков, в селении дреговичей, жителей болотистой местности. Что ожидало их здесь, сумеют ли они выбраться в свое время, а если нет, смогут ли современные ребята приспособиться к первобытной жизни среди дикой природы, непонятных обычаев, сумеют ли стать своими среди жителей поселения? Им предстоит долгий и трудный путь познания, а что в конце пути, кто знает.

У дреговичей

Утром их разбудило ржание коней и ворчливый голос старика, который деревянными вилами бросал под ноги животным траву из стожка. К нему подошли двое подростков. Они искоса посматривали на чужаков, но старались не показать своего интереса. Потом они ловко вскочили на выбранных коней, схватившись за густые гривы. Дед открыл загон, и небольшой табун помчался вниз к оврагу. Дед дождался, пока табун скроется в низинке, сходящей к реке, и пошел восвояси, ничего не сказав проснувшимся гостям.

Ночь на траве пошла друзьям на пользу: ссадины на лице стали менее заметны, ступни уже не так болели. И если бы не голод, можно было радоваться чудесному летнему утру, крикам петухов в селении, реву коров и блеянию коз.

Никто не подходил к ним, никто не предлагал позавтракать. А есть хотелось все сильнее.

– Чего сидим? Кого ждем? – вздохнул Грек. – Хозяевам, видно, не до нас. Вон как суетятся.

Селение действительно оживало. Все были заняты делом. По узкой тропинке с деревянными ведрами женщины и подростки спускались к реке набрать воды, женщины постарше разводили огонь в очагах, выгоняли на выпас домашний скот. Слышался стук топоров, звон железа о железо. В воздухе запахло парным молоком, печеным хлебом и яблоками.

– Эх, сейчас бы компоту с белым хлебом, – размышлял Дизель. – Или бабулиных пирожков с грибами. Ну, можно и с картошкой.

– Мечтать не вредно, – ответил Клим. – До картошки не знаю сколько веков. Не было картошки у древних славян.

– Как не было? – удивился Дизель. – Картошка всегда была.

– Её в Россию царь Петр завез, – напомнил Клим, – а до этого вместо картошки репу ели. Хочешь репы?

– Да я сейчас бы и крысу дохлую зажарил и съел, – ответил Дизель. – Чего сидим, действительно? Пойдемте, попросим что ли.

– Так тебе и дали, – усмехнулся Грек. – Хотели бы покормить, давно бы дали что-нибудь. Нет, пацаны, придется самим о себе побеспокоиться. Давайте думать.

Они посидели в молчании, перебирая в голове все, чем можно заработать еду. Первым придумал Ярик.

– Река недалеко, рыба точно есть, можно на рыбалку сходить.

– А удочка у тебя есть?

– Можно и без удочки, – парировал Ярик. – Есть три способа. Первый: связать рубашку и довить ею как бреднем. Второй – вырезать острогу и пробовать на мелководье поймать рыбину.

– А третий способ?

– Третьим я не ловил, но видел однажды, как в деревне мальчишки ловили мелкую рыбу корзиной.

– Это как?

– Так. Ставят корзину против течения под берегом, палкой с поперечиной бьют под коряги, оттуда рыба выныривает и прямо в корзину. Корзину поднял, воды вытекла, рыба на дне. Ешьте, пожалуйста!

– Ну, ты даешь, – засмеялся Дизель. – В жизни не поверю, что так можно рыбу ловить. Да и где ты корзину возьмешь?

– А вот ты и сплетишь, – сказал Клим.

Все посмотрели на Дизеля. Тот похлопал длинными ресницами, что-то прикинул в уме и вскочил на ноги. Огляделся. Вдоль берега реки простирался густой ивняк. Дизель нашарил за поясом штанов складной нож, кивнул друзьям: «Я скоро» и потопал к спуску к реке. Встречавшиеся на пути селяне не останавливали парня, но приветственно качали головами: «Будь здоров, друже». В ответ Дизель тоже мотал головой: «Привет!».

Через час с небольшим он появился с охапкой свежих ивовых прутьев. Опустившись на траву, Дизель разобрал прутья по размеру и толщине и принялся за дело.

– Круглую будем делать или продолговатую? – деловито спросил Дизель Ярика. – Глубокую или не очень?

– Продолговатую, высотой вот такой, – мальчик раздвинул руки.

– Понял.

В течение двух последующих часов остальные с интересом наблюдали, как из-под ловких пальцев Дизеля появилось вначале дно корзинки, потом медленно начали встраиваться стенки.

Когда корзина была закончена, и они опробовали её на крепость, то поспешили к реке. Широкая река медленно катила свои спокойные воды, на берегу к колышкам были привязаны маленькие плоскодонки с короткими круглыми веслами, на кольях висели рыбацкие сети. Ярик оглядел берег и решительно пошагал вверх по течению, где к самой воде подступали кусты и огромные, в два обхвата, ивы.

Здесь возле кустов мальчишки остановились.

– Нужен бот, – сказал Ярик. – Вот такая палка с короткой поперечиной.

Дизель подошел к ближайшему дереву, ухватился за длинный сук и резко потянул его вниз. Сук хрустнул и расщепился у основания.

– Пойдет.

Он сказал каждому, что делать, потом выбрал место, где у воды лежала поросшая мхом и водорослями коряга, и поставил корзину против течения. Дизель взял сук и начал энергично бить им под корягу. Через полминуты Ярик вытянул корзину. На дне трепыхалось несколько рыбок, длиной с ладонь и толщиной в пол-ладони.

– Куда её?

– Давай на берег!

Первая попытка оказалось успешной. Ярик переставил корзинку под другую корягу, и теперь уже Грек взял сук, зашел чуть выше и начал методично выбивать рыбок из убежища. Сколько они ни ставили корзинку, каждый раз в неё попадала рыба. Скоро на берегу набрался хороший улов.

Мальчишки радостно переговаривались, не замечая промокшей одежды и заледеневших ног. Азарт охватил юных рыбаков, и они были готовы хоть до ночи вытаскивать из воды ярких блестящих рыбок.

– Довольно, – остановил друзей Грек. – Поесть хватит, а там снова сходим. Рыбы, видать, здесь неупорот, успевай корзинки вытаскивать.

Нанизывая на ивовый прут еще трепещущую рыбу, друзья заметили заинтересованные взгляды собравшихся на берегу мальчишек.

– Хотите попробовать? – крикнул им Дизель. – Берите!

Он поставил корзину и пошагал вслед за своими. Мальчишки не двигались с места то ли из страха, то ли не поняли, что он сказал. Но любопытство взяло верх, и скоро на берег полетела следующая партия рыбы, которую с восторженными криками мальчишки вытаскивали из корзины.

Но наловить рыбы – полдела, её нужно было приготовить. А как это сделать без плиты, кастрюли или сковороды? Немного посоветовавшись, друзья решили испечь рыбу на костре. А чем развести огонь?

– Ярик, тебя же учили в туристическом кружке разводить огонь, – напомнил другу Клим. – Покажи класс!

– Ну, мне бы линзу или стеклышко, – стал оправдываться Ярик. – А где взять?

– С линзой и дурак разведет огонь, – фыркнул Дизель. – А ты попробуй как древние люди из двух палочек искру извлечь. Слабо?

– Хватит базарить, – прервал Грек. – Я схожу за огнем, – он махнул рукой в сторону ближайшей избы. – Ты, Дизель, вырежи две рогатины, как те, что наши спасители ставили у костра, ты, Ярик, почисть рыбу и повесь на рогатины. Только аккуратно. А ты, Клим, собери сухих веток для костра. Я скоро.

Он не торопясь направился к ближайшей избе, возле которой горел очаг. Над ним висел закопченный казанок, в котором варилось, судя по запаху, мясо птицы. Старая женщина сидела рядом и каменной толкушкой молотла в каменной же ступе зерно. Она была одета в длинную рубаху, поверх которой был наброшен козий платок, закрывающей её до поясницы. На ногах тапочки из шкурок, завязанные ремешками. Волосы женщины были скручены валиком и свернуты калачиком на затылке, а широкий кожаный ремешок с вырезанными на нем ромбиками и кружками, охватывал голову и крепился на затылке.

– Вскую имати (что нужно), речи борзо (говори быстро), детель маю (у меня дела), брашно имам (еды дать)?

– Мне бы огня, бабушка, – проговорил Грек, указывая на очаг. Он медленно протянул руку к огню и вытянул из неё тоненькую горящую палочку. – Можно?

Старуха строго поглядела на него, потом кивнул головой.

– Стране отрок, – проговорила она себе под нос и снова взялась за толкушку.

А Грек быстрым шагом направился под навес, где Клим уже сложил небольшой костерок. Сухие ветки быстро занялись от горящей палочки, рогатины были установлены у огня, на длинном пруте висела рыба, почищенная и вымытая. Друзья уселись кружком у костра и стали наблюдать, как запекается рыба. На все про все хватило часа. А потом они пировали. Рыба была по-честному поделена, и хотя не хватало соли, быстро исчезла в желудках голодных мальчишек.

– Ну, что, еще разок сходим на реку? – спросил Дизель. – Я бы не прочь еще поесть.

– Сходим, – заверил друга Грек. – Но одной рыбой сыт не будешь. Надо нам, пацаны, братья за самообслуживание, а не ждать, когда добрый дядя позаботится о нас. Давайте думать, как прокормить себя.

Костерок уже догорал, а ничего умного они придумать не могли.

– Может, в лесу поискать ну, там, грибов, ягод, – предложил Клим. – Если повезет, то зверька поймает.

– Ага, так тебя звери и дожидаются, – засмеялся Дизель. – Хотя нет, ждут тебя, только в качестве еды. Хороший обед для волчьей стаи, как считаешь?

– Хватит, Дизель, – оборвал Грек. – Клим дело говорит, надо в лес отправляться. Кто умеет отличать съедобные грибы от несъедобных?

– Ну, я знаю, не раз с дедом в лес ходил, – ответил Дизель. – Уж мухомора я всегда узнаю, да и бледную поганку тоже. Короче, собираемся!

– Слышь, а за ворота нас выпустят? – спросил Ярик. – Может, мы у них как пленники.

– Чего гадать, пошли!

Грек первым поднялся и пошел к воротам, охраняемым здоровым мужиком с пикой в руках. Он внимательно осмотрел ребят, покачал головой и отвернулся, показывая своим видом, что разговора не будет. Пришлось им возвращаться на место. Их зависимое положение

в чужом селении не может долго продолжаться. Если их никто не собирается кормить, так пусть хоть разрешат самим добывать еду.

Они так задумались о своей незавидной роли пленников, что не заметили, как к ним подошла девушка в светлом платье. Светлые волосы её были распущены, широкий кожаный ободок, как и у всех женщин селения, охватывал голову и завязывался на маленькие ремешки на затылке. Ярко-голубые глаза, печальное лицо и бледные губы девушки делали её похожей на русалку. Похожести добавляли и вплетенные в волосы водоросли и чуть завядшие желтые кувшинки.

– Здраве буде, (здравствуйте), – тихо произнесла девушка. – Ристайте мне (идите за мной).

Она поманила друзей за собой и повела их к большому дому. Друзья насчитали не менее тридцати изб, прежде чем добраться до нужного. Возле каменного очага на стуле, сделанного из цельного ствола дерева сидела крепкая молодая женщина, одетая в кожаную рубаху чуть ниже колен, сверху жилет из шкуры волка, голову охватывал не один ремешок, а два. Ноги женщины были обуты в сапожки из грубой кожи, перевязанные крест-накрест кожаными ремнями. На ней был широкий пояс, за который заткнут длинный нож с костяной ручкой. Шею и ключицы защищал кожаный ворот, по его переду шли дырочки, в которые были вдеты ремешки, стягивающие ворот. Ворот был сделан не для украшения, а скорее для защиты. По-видимому, женщина не домашним хозяйством занималась, а бывала в переделках и понимала, как важно защитить тело от острого ножа или стрелы. Руки выше локтей тоже были затянуты кожаными ремнями с металлическими накладками.

– Рокерша, – еле слышно проговорил Ярик. – Классный прикид!

Женщина внимательно взглянула на него, улыбнулась.

– Ярий кой (какой рыжий), шертите Перуне (клянусь богом Перуном). Отнуду ристати, отроце, се (откуда, юноши, пришли)?

– Мы оттуда, – ответил за всех Грек. – Наш лагерь находится у Медвежьей лощины, только на другом берегу. Директор лагеря Тамара Георгиевна, такая с белыми волосами, – он тронул себя за голову. – Строгая очень. Ругать нас будет, потому что мы убежали из лагеря получается. Вот.

Женщина молчала. Наверное, не поняла ни слова, подумали мальчишки. Как бы ей объяснить? Тут им на помощь пришла девушка с цветами в голове. Она наклонилась к женщине и тихо начала говорить.

– Мать Билые Власи (Мать Белые Волосы)? – подняла в удивлении брови женщина. – Прелесть деяти (лжешь). Речи право (говори правдиво).

– Хотите верьте, хотите нет, но это так, – обиделся Грек. – Что мы вам врать будем?

Тут к ним обратилась девушка, и четверка открыла рот в изумлении.

– Наша Общая Мать, – она кивнула в сторону женщины, – не верит, что вы пришли из племени Матери Белые Волосы. – Это очень далеко, да и зачем?

– Она говорит по-нашему, – прошептал Дизель. – А что другие-то по-иностранному?

– Я думала, вы умнее, – усмехнулась девушка. – Тоже побывали в пещере у Медвежьей лощины?

– А вы откуда знаете...

Девушка снова усмехнулась.

– Потом поговорим. А сейчас надо успокоить Общую Мать. Она думает, что вы лазутчики, разведчики, которых прислала Мать Белые Волосы.

– Нет, нет, – протестовали мальчишки. – Мы в лесу заблудились, потом чуть не утонули в болоте, спасибо вашим – спасли. Скажи ей, что от нас вреда не будет. Может, она даст нам провожатого, чтобы вернуться в пещеру, а?

– Пустое дело, – печально проговорила девушка. – Вам повезло, что встретили наших. Могли угодить в другое племя, а там неизвестно что с вами сделали.

– Съели бы? – округлил глаза Дизель.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорила девушка. – А насчет пещеры не думайте. Поверье, ничего из этой затеи не выйдет. Я вам потом расскажу...

– А же беху речи (что они говорят)? – нахмурилась Общая Мать. – Толмачь зело борзо (объясни быстро)!

Девушка снова наклонилась к Общей Матери. Что она ей сказала, неизвестно, но по лицу женщины было видно, что она удивлена.

– Я ей сказала, что вы потерялись в лесу, но не хотите возвращаться к Матери Белые Волосы. Всем известно, что та очень жестока и быстра на расправу. Попросите Общую Мать принять вас в общину, иначе вам придется уйти. А как я понимаю, за пределами селения вы пропадете.

– А как попросить? – спросил Грек. – Мы скажем, а вы переведете?

– Я вас научу.

Она подошла к ним близко и, наклонившись к самому уху Грека, произнесла:

– Скажите: «Уненчити, Мати, ты охабить ны и буде не ты истаяти ны» (просим тебя, Мать, оставить нас и не дать погибнуть).

Кое-как, перевирая, Грек произнес эти слова. Общая Мать улыбнулась и махнула рукой – разрешила. Потом она подозвала девушку и о чем-то стала ей говорить. Девушка согласно кивала головой.

Когда мальчишки вернулись под навес, они только и говорили о странной девушке, которая говорила на современном русском языке.

– Зуб даю, – горячился Ярик, – она тоже через портал в пещере прошла. Иначе откуда бы она знала про пещеру, и говорит по-нашему? Остальные ни бум-бум.

– Я тоже так думаю, – вставил свое слово Дизель. – Надо её хорошенько расспросить, почему нам нельзя вернуться к пещере.

– Тихо, она идет.

И вправду, к ним направлялась девушка.

Она присела на охапку травы, обвела друзей внимательным взглядом.

– Раньше меня звали Людмилой, Милой. Здесь меня зовут Милалика. Красивое имя, правда? А как вас зовут?

Мальчишки называли себя.

– Какие смешные имена. Клички, да? А как вас родители и учителя звали?

Пришлось друзьям представляться официально. А потом завалили Милалику вопросами, как она попала сюда и почему не нашла пути назад.

– Я, как и вы, часто совала нос не в свои дела, вот за это и поплатилась. Не буду вдаваться в детали, но однажды я попала в пещеру, а оттуда напрямик сюда. Кстати, вы молодцы, такой путь проделали по лесу, через болото. А я чуть в реке не утонула. В последний момент ухватилась за плывущее дерево, так за него и держалась, не знаю, сколько времени. Меня здешние рыбаки подобрали, когда бревно приплыло к берегу. Я со страху вначале и слова не могла сказать, они меня посчитали немой. Уже потом я заговорила, придумала историю, как оказалась в реке. Стала учить их язык. Они меня считают русалкой, – засмеялась девушка. – Все потому, что я из реки появилась. Другая на моем месте к берегу после такого не подошла, а я, наоборот, больше на реке нахожусь, чем в деревне. Меня туда тянет, как будто кто-то зовет. Наверное, это моя мама меня все еще ищет.

Глаза Милалики повлажнели. Загрустили и ребята, вспомнив о своих родителях, представив, что те сейчас чувствуют, как рыскают по округе, надеясь отыскать следы пропавших детей.

– А как ты в пещере оказалась? – спросил все-таки Ярик. – Ты тоже отдыхала в лагере?

– Да, отдыхала. Тамара Георгиевна – моя мать. Она меня к себе на лето взяла, я подрабатывала вожатой на младшем отряде. Был у нас вожатый Володя, мы с ним сдружились. Он и обнаружил ту пещеру. Однажды привел меня туда. В тот раз мы с ним поссорились, он психанул и ушел один. Я из вредности не побежала за ним, осталась в пещере. Не заметила, как уснула, а когда проснулась...

– Вышла из пещеры, а там глухой лес, – закончил Грек. – Спустилась к реке, ну и так далее.

– Вот именно, так далее. Уж очень далеко меня это свидание в пещере привело.

– Слушай, – заговорил Клим, – а ведь ты и вправду на Тамару Георгиевну похожа. Как же мы сразу не догадались!

– Мы похожи, только я не альбиноска. Волосы, конечно светлые, но не до такой степени, как у неё. И что самое смешное, за лесом, далеко отсюда живет племя тоже дреговичей. Во главе стоит Мать Белые Волосы. Представляете? Кто из наших её видел, рассказывал, что у неё не только волосы как снег белые, но и брови, и ресницы. Все как у мамы. Возможно Мать Белые Волосы наша прародительница, пра-пра-пра. Как думаете?

– Мы уже ни о чем не думаем, – ответил за всех Дизель. – Только как отсюда выбраться. Почему ты не вернулась?

– Ни один из наших туда не пойдет, – грустно ответила Милалика. – Это трудный и опасный путь. А если по реке против течения плыть, так это какую силу нужно. Там одних жутких порогов тьма. Это здесь река тихая, спокойная, медленная, а её приток, ну по которому я плыла на бревне, что горный поток. И не думайте, что если лес вокруг, так никого здесь нет. Здесь разные поселения, одни дружелюбные, другие враждебные. Несколько дней назад наши мужчины-стражники ушли на встречу со стражниками из другого племени, чтобы обсудить, как сообща противостоять галечам, что приходят со стороны селения Матери Белые Волосы. Ей удастся как-то справляться с их набегами (они скот воруют и девушек, детей уводят), но не всегда удастся. Галечи хитрые, и в лесу как дома ориентируются. Вот только был здесь, глядь – растаял в воздухе как призрак.

Друзья переваривали услышанное.

– Ты хочешь сказать, что нам отсюда не выбраться?

– Пока не выбраться. Может, потом, когда вы привыкните к месту, научитесь жить в лесу, ходить без опаски по болоту и скрываться от врагов, вновь вернетесь к пещере. Но какова вероятность, что через неё вы сумеете проникнуть в свое время? Я знаю, что и другие побывали в пещере, даже ночевали в ней, но ничего такого с ними не случилось. Мама рассказывала, что она в молодости тоже была в той пещере, но не пропала же, как я.

Милалика вздохнула печально.

– Общая Мать сказала, чтобы я вам помогла на первых порах. Но я вижу, вы ребята удалые. Вон уже и корзинку смастерили, рыбы наловили. Кто мастер по корзинкам?

– Ну, я, – покраснел Дизель. – А что?

– Молодец! Здесь корзинки не плетут, тут короба из бересты да луба делают. Ты мог бы использовать свое умение. За такую корзинку тебе хозяйки что угодно дадут, хоть хлеба, хоть птицу, хоть молока.

Дизель выглядел довольным. Он уже представил, как расходятся корзинки, как его заваливают вкусной едой.

– Милалика, а почему нас не выпускают за ворота? – спросил Клим. – Боятся, что мы убежим?

– Общая Мать решила, что вы разведчики, что можете привести сюда наших врагов. Но я ей рассказала историю про то, как вы потерялись, и теперь можете выходить из деревни. Только далеко не забредайте, местности вы не знаете. Да и волков в округе полно.

– Настоящих волков? – округлил глаза Клим.

– А разве волки бывают не настоящие? – улыбнулась Милалика. – У нашего племени тотемное животное волк. Видели, вон там шкура висит? Это, здесь считается, защитой. Хотя охотникам это не мешает охотиться на хищников. Здесь все ходят в волчьих шкурах, как вы уже заметили. Это тоже считается защитой. Ну, ладно, на первый раз хватит, – спохватилась девушка. – Отдыхайте. Еду вам принесут, Общая Мать велела.

– А что там за пирамида? – спросил заинтересованно Ярик.

– Это место силы и жертвенник, – ответила Милалика. – Там, рядом с пирамидой, видите, шалаш? Там живет Старая Мать. Раньше она была Общей Матерью, а сейчас вместо неё здесь всё решает её дочь. Старая Мать умеет разговаривать с богами, предсказывать погоду и будущее. Она видит каждого насквозь, и без совета с нею ничего не делается. Сегодня ночью она спросила бога Рода о вас, и он отнесся к вам благосклонно. А иначе вас давно бы уже изгнали в болото, несмотря на то, что вы дети.

– Какие мы дети... – загорячился Дизель, но замолчал. Чтобы доказать, что они уже взрослые, надо, по крайней мере, обеспечить себя едой и хорошо бы одеждой. Ветхие рубахи и штаны, которые им выдали для участия в исторической реконструкции, вряд ли долго выдержат – распадутся в труху.

Они еще немного поговорили с девушкой, она им посоветовала спуститься с холма и дойти до лядины – березового лесочка, где, как она уверяла, есть грибы.

– Только поганок не наберите, – предупредила она. – Может, вам провожатого дать? Вдруг заблудитесь?

Друзья подумали, но отказались. Они не собирались заходить далеко вглубь, да и дым от очагов был виден издалека.

– Корзинку надо бы вернуть, – кивнул Дизель в сторону реки, где, судя по веселым детским крикам, рыбалка продолжалась.

– Я вам дам туес для этого дела, – пообещала Милалика. – А насчет корзин подумай, – обратилась она к Дизелю. – К любой хозяйке подойди, и она тебе за такую вещь еды даст. Кстати, еда по-здешнему будет брашно. Запомните? И подумайте об обуви: по лесу босиком ходить опасно – змей много. Местность ведь болотистая.

– А как называется обувь, которую здесь все носят? – поинтересовался Клим. – Из шкурок она, да?

– Это чирьи, а меховая жилетка поверх рубах это приволока. Дед, который ухаживает за лошадьми, умеет плести лапти, или по-другому лыченицы. Попроси его тебя научить. Вижу, ты мастеровой парень, – похлопала она по плечу Дизеля.

– Разберемся, – покраснел от похвалы девушки Дизель.

Вскоре Милалика действительно принесла туес из бересты. Он был легким и держался на веревке, которую надо было перекидывать через одно плечо.

– Предлагаю разделиться, – сказал Грек. – Ты, Дизель, иди за ивой и начинай плести еще корзину, ты, Ярик, возвращаясь к реке и попроси за использование корзины ребят поделиться рыбой. А мы с Климом в лес. Часа через три встречаемся. Если нас долго не будет – ищите. Или не ищите... – проговорил он грустно.

Говорить больше было не о чем, надо было думать о хлебе насущном. Теперь от усилий каждого будет зависеть их благополучие. Надеяться им не на кого, нянек и вожатых здесь не было. И если им суждено ближайшее время жить среди дреговичей, то они должны доказать в первую очередь себе, что они не маменькины сынки, а нормальные пацаны. Это раньше они могли заниматься глупостями: грубить учителям, хулиганить, рисковать жизнью за здорово живешь, но после похода по дикому лесу и встречи с ужасным болотом, жизнь и здоровье в их глазах стали главными ценностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.